

БЫЛЫЕ ЧУДАКИ
ВЪ
Орловской губернии.

СОСТАВИЛЪ
Орловскій старомиль.

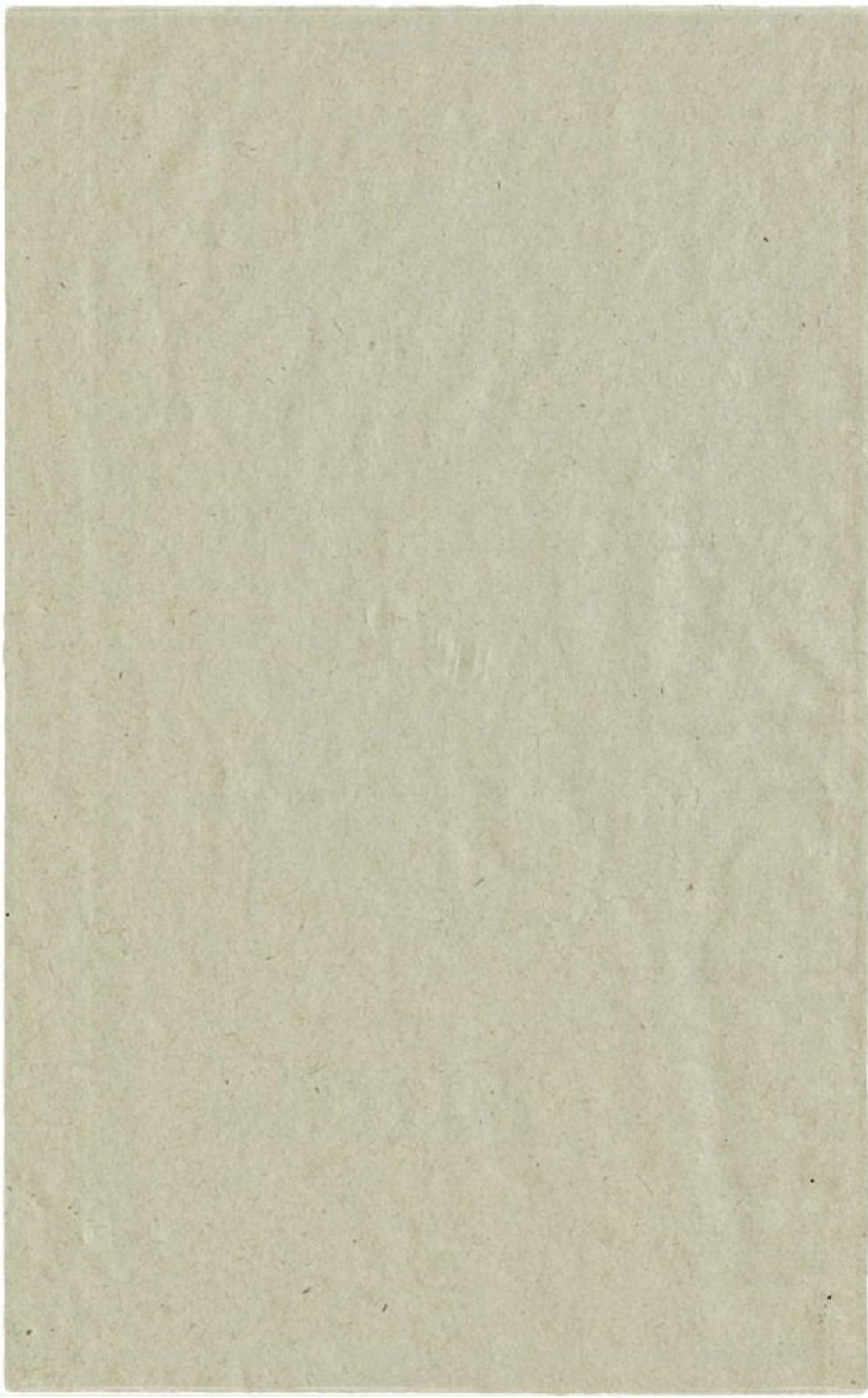

2-е ИЗДАНИЕ.

ОРЕЛЬ.
Типо-литографія А. П. Матвѣевой.
1909.

ор 687283

БЫЛЫЕ ЧУДАКИ
въ
Орловской губернии.

СОСТАВИЛЪ
Орловскій старожилъ.

2-е ИЗДАНИЕ.

ОРЕЛЬ.
Типо-литографія А. П. Матѣевой.

1900

КРАЕВЕДЕНІЕ

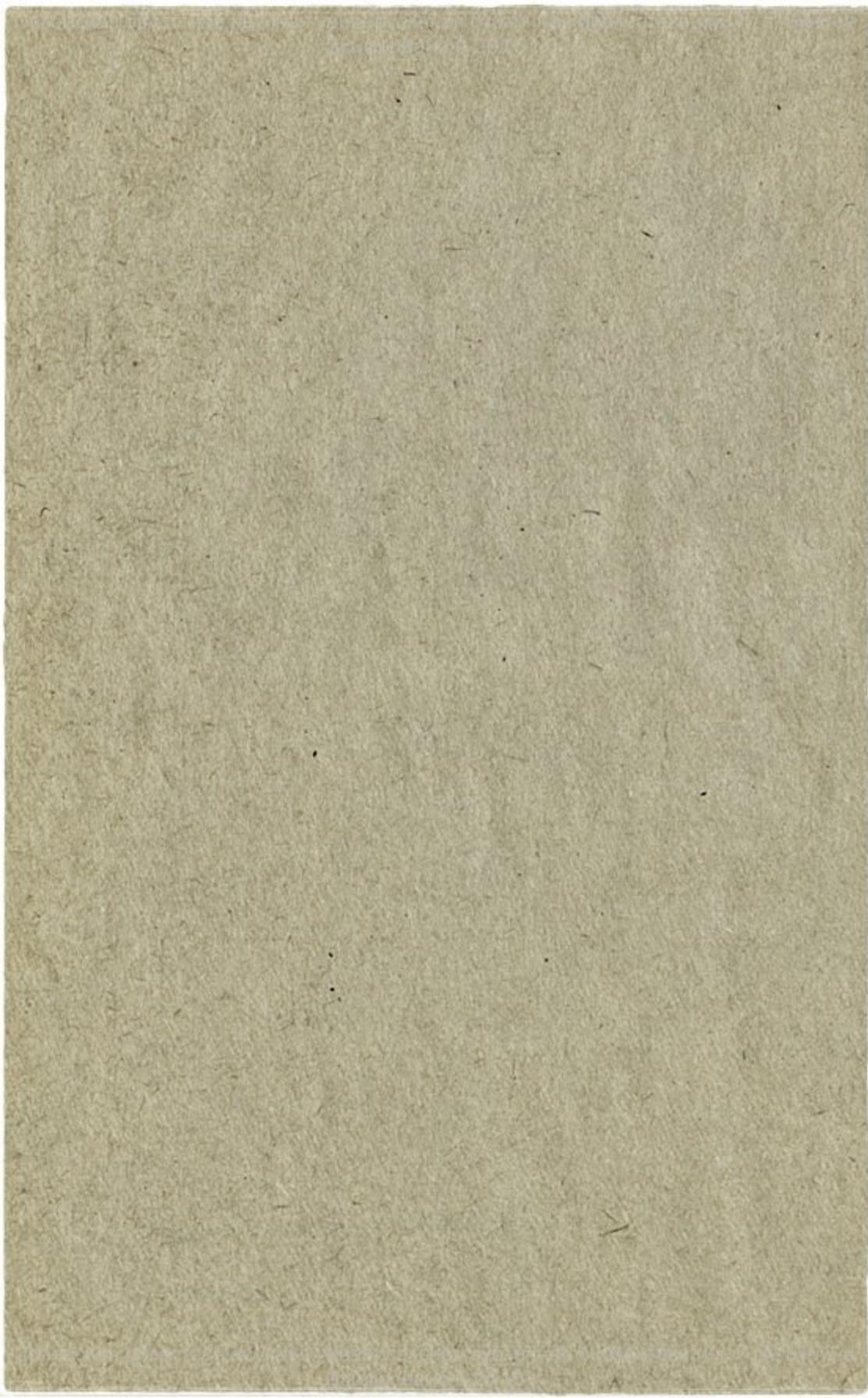
У С 02100

RECEIVED
MAY 18 1889

601803

— Да, были люди въ наше время.

Лермонтовъ.

Предисловіе.

Въ старину, и не весьма отдаленную, у насъ на Руси, особенно въ провинціи, мудрено было удивить кого либо самодурствомъ, оригинальностью или чудачествомъ. Съ легкой руки генералиссимуса Суворова, отличавшагося, какъ извѣстно, большими странностями, которыя даже у его современниковъ породили сомнѣніе, въ здоровомъ ли онъ умѣ—сильно распространилось на Руси желаніе оригинальничать и самодурствовать. Великій примѣръ нашель подражателей безъ числа.

Почти каждый генераль пробоваль шутить по Суворовски, искаль популярности у солдатъ все тѣмъ же балагурствомъ, шутками и прибаутками.

Но рѣдко кто шутиль удачно.

Чудакъ прежде всего долженъ быть умнымъ человекомъ и чѣмъ онъ умнѣе, тѣмъ чудачество его разнообразнѣе. Наоборотъ, когда желаетъ самодурствовать глупый человекъ, то выходки его бываютъ тяжеловѣсны, натянуты и больно становятся на душѣ и грустно и обидно становится за человекъ, особенно тяжело это видѣть, когда многіе доходятъ до бахвальства и увлеченія, отзывающагося винными парами.

Орловская губернія по количеству самодуровъ и чудаковъ, чудаковъ оригинальныхъ и интересныхъ для наблюденія, не только не представляетъ исключенія, а наоборотъ, является непочатымъ угломъ былого самодурства. Здѣсь рѣдкій изъ зажиточныхъ помѣщиковъ не отличался особыми причудами.

Вознамѣрившись дать историческій очеркъ Орловскихъ самодуровъ, я хочу внести скудную лепту въ далеко не обширную сокровищницу историческихъ свѣдѣній о прошломъ Орловскаго края, не дать безслѣдно погибнуть тому, что удалось собрать мнѣ отъ Орловскихъ старожиловъ, подѣлиться наблюденіями, впечатлѣніями, передать слышанные мною рассказы, преданія и проч.

Я записалъ для памяти нѣкоторыя рассказы, которые теперь ходятъ по устамамъ и легко забываются, а между тѣмъ они характеризуютъ людей и эпоху, въ которой люди эти дѣйствовали и жили. По мѣрѣ того, какъ воспоминанія ложились на бумагу, передо мною возникалъ изъ далекаго прошлаго цѣлый рядъ лицъ и фактовъ, на которыхъ нельзя было не остановиться, не упомянувъ ихъ.

Было время, когда отъ исторіи не требовалось ничего болѣе, кромѣ вѣрнаго воспроизведенія событій и вѣрнаго изображенія дѣятельности вліявшихъ на событія личностей. Неудовлетворительность подобныхъ исторій была наконецъ признана. Мы убѣдились, что для того, чтобы имѣть ясное понятіе о данной эпохѣ, объ истинномъ значеніи событій, объ ихъ взаимной зависимости, о характерѣ главныхъ дѣятелей и, наконецъ, о состояніи обществъ въ нравственномъ и культурномъ отношеніяхъ, необходимо имѣть подъ рукою вѣдомые источники, гдѣ современниками записаны частности происходившаго передъ ихъ глазами.

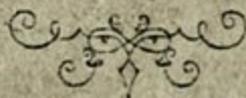
Исторія у насъ все болѣе и болѣе входитъ въ моду, но вопросъ, нынѣ затрогиваемый, какъ-то мало встрѣчался намъ въ литературѣ.

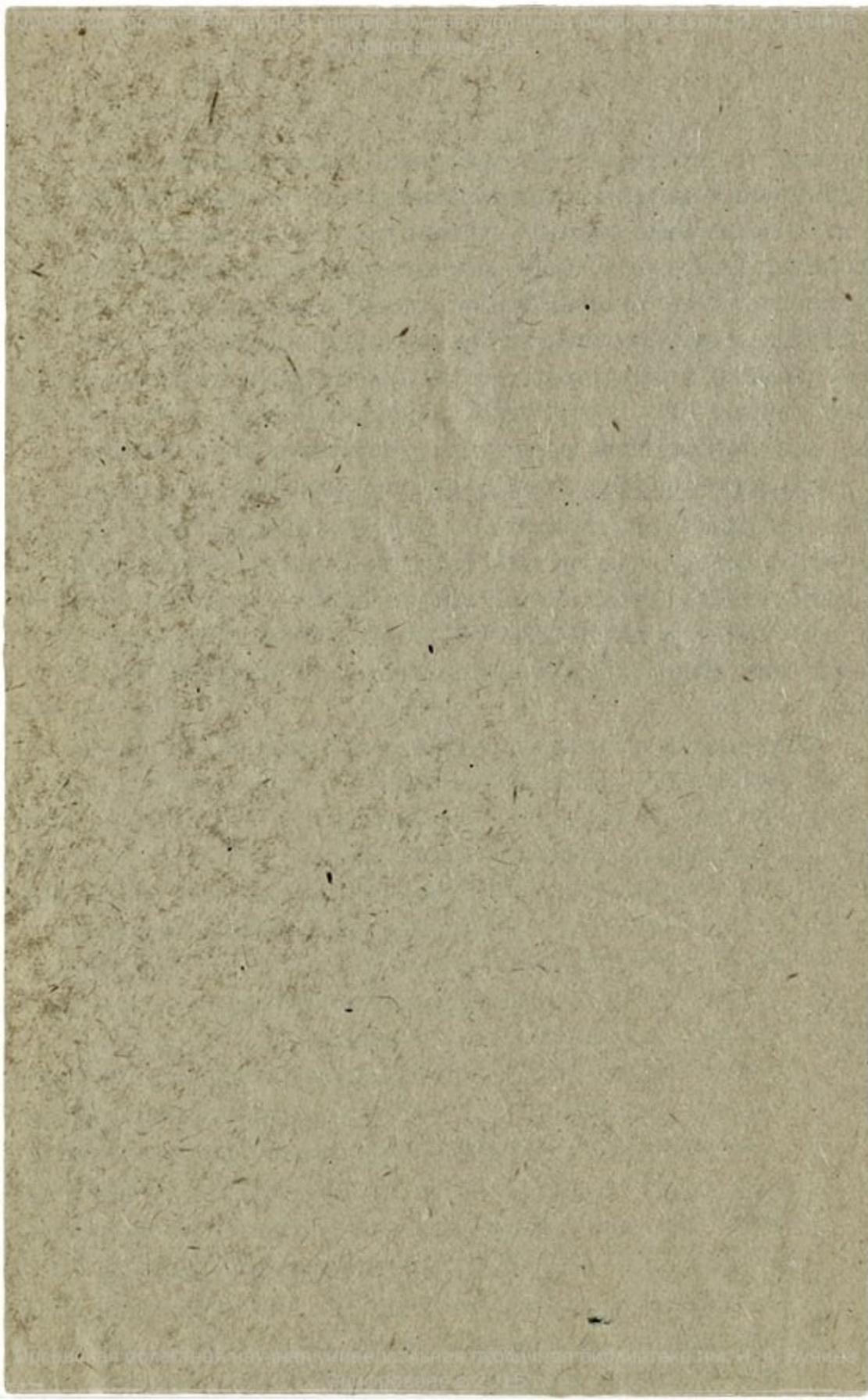
Что подѣлаешь. Наша литература какъ-то невнимательна къ русскимъ людямъ, отличавшимся чудачествами и эксцентричностями. Не такъ неступаютъ за

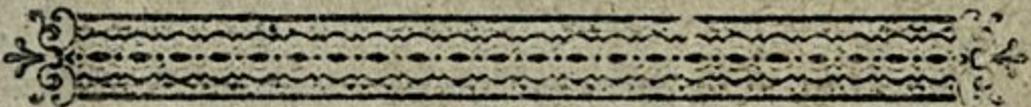
падные литературы. Англичане, на примѣръ, имѣютъ подробныя біографіи своихъ самодуровъ, которые, не въ обиду имъ будь сказано, и въ подметки не годятся нашимъ. Замѣчено, что въ старину было гораздо болѣе чудаковъ, чѣмъ теперь. Такое явленіе впрочемъ ясно: причудливость, странность въ поведеніи есть слѣдствіе произвольности въ жизни, и чѣмъ больше произвольность царитъ въ вестройномъ еще обществѣ, тѣмъ болѣе она порождаетъ личныхъ аномалій и психопатовъ.

Замѣчено также, что среди крестьянъ и мѣщанства, въ простомъ сословіи, близкомъ къ природѣ, рѣдко встрѣчаются самодуры. Тамъ всё растутъ, мыслить и дѣйствуютъ, какъ внушила имъ природа; но съ просвѣщеніемъ, съ цивилизаціей начинаются причуды, и чѣмъ они выше у народа, тѣмъ болѣе является чудаковъ.

Описаніемъ ихъ я и начну мои замѣтки.

Глава I.

Чудачества охотника Кирѣвскаго. Сіятельные самодуры графы Каменскіе.

Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, въ богатомъ Орловскомъ имѣніи, проживалъ по-царски Орловскій крезъ — помѣщикъ Н. Кирѣвскій, страсть котораго къ охотѣ, собакамъ и садовымъ бесѣдкамъ, по словамъ М. И. Пыляева, доходила до смѣшного. Усадьба его издали представляла какой-то восточный заколдованный городъ, огромное его состояніе позволяло ему вести широкую жизнь. Многіе окрестные помѣщики составляли обычную свиту этого барина, сопровождая его на псовую охоту. Объ обѣдахъ и подаркахъ его говорили на цѣлую губернію. Тургеневъ въ своемъ „Гамлетѣ“ Щегровскаго уѣзда коснулся одного такого обѣда К—го. Съѣзды на праздникъ гостей, по большей части охотниковъ, собачеевъ, этого помѣщика выходили очень многочисленныя. Одинъ изъ домовъ въ усадьбѣ его былъ отдѣланъ какъ лучшая гостинница: здѣсь могли останавливаться болѣе сотни пріѣзжихъ, жить по недѣлямъ и даже не являться на глаза хозяина. Всѣ желанія, всѣ прихоти гостей исполнялись въ точности его дворецкимъ. Барскій домъ былъ громаднѣйшій. Главнѣйшій корпусъ соединялся съ каждой стороны длинными галлереями съ флигелями, отчего строеніе принимало огромныя раз-

мѣры. Большіе залы въ домѣ были въ два свѣта. По прихоти хозяина, всё украшенія, какъ наружныя, такъ и внутреннія, представляли непривычному взгляду довольно странный видъ. Начиная съ рѣшетки до флюгера на крышѣ дома, все изображало однѣ принадлежности охоты. Изъ оконъ выглядывали медвѣжьи головы, въ углу притаился пушной звѣрь, вмѣсто ковровъ владѣлецъ набросалъ звѣриныя шкуры. На стѣнахъ висѣли картины, изображавшія псовую охоту. Вся мебель была изъ оленьихъ и лосиныхъ роговъ, кабаньихъ головъ, лошадиныхъ ногъ и т. д.

Странныя причуды были у этого помѣщика — собирателя охотничьихъ предметовъ. Въ одной изъ бесѣдокъ въ его саду, богато отдѣланной въ видѣ надгробнаго мавзолея, внутренность зданія была украшена болѣе, чѣмъ странно: здѣсь были собраны всё враги пернатыхъ. Надъ самою дверью царилъ съ распростертыми крыльями и разинутымъ клювомъ огромная сова. По стѣнамъ, окрашеннымъ чернымъ цвѣтомъ, прибиты крылья и головы филиновъ, орловъ, коршуновъ, кобчиковъ, воронъ, обведенные каймою изъ мышей, крысъ, хорьковъ, ласокъ; всё эти хищники прибиты къ стѣнѣ узорами и составляли звѣзды, треугольники, розетки, словомъ всё украшенія, которыя только умудрилось болное воображеніе нарисовать крыльями, головами, ногами и корпусами птицъ и животныхъ. Также отдѣланъ и потолокъ. Въ простѣнкахъ между окнами прибиты головы кошекъ: подъ ними укрѣплены накрестъ ихъ лапки въ томъ же положеніи, какъ на надгробныхъ камняхъ ставятъ кости надъ мертвыми головами. Это головы казненныхъ кошекъ... Надъ каждой надпись, когда и за какое преступленіе виновная лишена жизни. Напримѣръ: „приговорена къ смерти за покушеніе на жизнь голубя“, на другой надписи видѣлось: „лишена жизни за убійство воробья“ и т. д.

Но самая любопытная особенность этой бесѣдки была другая комната; она отдѣлана была въ мавританскомъ вкусѣ, гдѣ потолокъ и стѣны были убраны золотыми арабесками, лучистыми вѣнками и иглѣвыми двустигшіями изъ нашихъ поэтовъ добраго стараго времени, и всѣ эти хитросплетенія буквъ, вѣнковъ дѣлалось изъ мышинныхъ и крысиныхъ хвостовъ, которые извѣстнымъ путемъ очищались, сортировались, дѣлались твердыми, полировались и покрывались позолотою. Для этой работы у помѣщика жилъ специалистъ по части крысопстреленія—старикъ-венгерецъ; должность его состояла въ томъ, что онъ ходилъ по усадьбѣ, отыскивая норы крысъ. Способъ ловли его былъ замысловатъ и любопытенъ: онъ раскладывалъ у всѣхъ щелей и прогрызенныхъ крысами дыръ кусочки сала. Крысы, какъ извѣстно, отличаются прекраснымъ чутьемъ, и долгохвостыя лакомки являлись въ первую же ночь, чтобы удовольствоваться своей аппетитъ.

Такъ дѣлалось въ продолженіи двухъ-трехъ дней, наконецъ, въ одинъ сумерки венгерецъ, вооруживъ свой каблукъ стальнымъ остриемъ въ родѣ долота, насаживалъ подъ пятку кусокъ сала и становился на стражѣ при одной изъ щелей, гдѣ клалъ приманку. Крысы, не подозрѣвая къ какому низкому предательству способенъ человекъ, вылѣзали изъ норъ своихъ, и какъ только рты разверались, чтобы схватить добычу, венгерецъ дѣлалъ прыжокъ назадъ—и крыса была обезглавлена. Онъ никогда не дѣлалъ промаха, и продолжалъ эти убійственные скачки, переходя отъ щели къ щели, отъ подвала къ чердаку, до тѣхъ поръ, пока цѣлое поколѣніе крысъ не истреблялось.

Въ былые годы имѣніе К. кипѣло жизнью шумной и полной всякаго довольства; внимательная барская дворня ловила желаніе гостей, многолюдство посѣтите-

лей всегда было пріятно владѣльцу этого роскошнаго сельскаго уголка. Часто многіе изъ бѣдныхъ дворянъ жили здѣсь по нѣскольку мѣсяцевъ, не смѣя изъ скромности представиться хозяину. Они все-таки пользовались всѣми удобствами широкой барской жизни. Болѣе десятка линеекъ, шарабановъ, троекъ всегда были готовы для выѣзда гостей. На прудѣ ждали желающихъ шлюпки, лыжи, гондолы съ гребцами. Садъ былъ прохладный, дремучій, разбитый на сорока десятинахъ; были ален, гдѣ не видно было голубого неба—все зелень и тѣнь. По главной алеѣ стояли статуи, памятники. Въ куцахъ деревъ виднѣлись храмики съ названіями, значеніе которыхъ было особенно пріятно и понятно только одному владѣльцу. Они были построены во имя дружбы, истины, любви, терпѣнія и т. д. Но особенно были великолѣпны бесѣдки. Помѣщикъ имѣлъ къ нимъ особенную слабость и не жалѣлъ десятки тысячъ. Одна изъ такихъ была построена надъ прахомъ его любимаго кобеля „Любезнаго“ и стояла владѣльцу около пятидесяти тысячъ, другая—въ память ахалцихскаго дѣла, была вся выстроена изъ желѣза и окрашена очень искусно подъ цвѣтъ кашемировой шали; цѣнность этой бѣсѣдки чуть ли не превышала названную стоимость первой.

Особенно пышными выходили у этого барина такъ называемыя „отъѣзжія поля“; стая его гончихъ состояла болѣе чѣмъ изъ двухсотъ смычковъ „выжлецовъ и выжлововъ“, выжлятники были одѣты въ красныя куртки и синіе шаровары съ желтыми лампасами; у ловчихъ, для отличія, были куртки, обшитыя позументомъ, рога у всѣхъ висѣли на красной тесьмѣ съ кистями; каждый имѣлъ борзыхъ собакъ на сворѣ не болѣе трехъ; хортовыхъ собакъ К—ій не любилъ, борзые у него были чисто-псовые и густопсовые. Къ походу всегда играли борзятники „розовъ“. Выѣздъ тянулся съ обозами чуть ли

не на версту, такъ много прилащалось гостей на травлю волковъ и русаковъ. На болотную дичь К—ий отъезжалъ тоже не съ меньшимъ парадомъ, одинъ обозъ состоялъ не менѣе какъ изъ сорока телѣгъ. Самъ баринъ съ почетными гостями ѣхалъ въ линии, остальные гости въ тарантасахъ и бѣговыхъ дрожкахъ.

Особенною его странностью была еще нелюбовь къ прекрасному полу, и какъ ни хлопотали сосѣдки хоть однимъ глазкомъ взглянуть на роскошное житье сосѣда, но доступъ имъ въ усадьбу, какъ на Аеонъ женщинамъ, былъ невозможенъ.

Особенно усерднымъ подражателемъ великаго Суворова былъ фельдмаршалъ также графъ Михаилъ Федотовичъ Каменскій, личность безспорно талантливая, но необыкновенно честолюбивая и крайне нервная въ обращеніи съ людьми. Императрица Екатерина II не любила съ нимъ разговаривать. Вотъ что она сказала своему секретарю Храповицкому про Каменскаго: „къ намъ будетъ скучнѣйшій человекъ въ свѣтѣ“. Король прусскій отзывался о немъ: „это молодой канадецъ, однако же, довольно вылощенный“. Императоръ Павелъ любилъ Каменскаго, а графъ Аракчеевъ былъ большой почитатель его воинскихъ талантовъ. Каменскій былъ строгій служака и педантъ; онъ въ частной жизни подражалъ Суворову и также часто оригинальничалъ и изобретовалъ. У себя въ деревнѣ фельдмаршалъ жилъ въ своихъ комнатахъ совершенно одинъ, въ кабинетъ его никто не впускался, кромѣ камердинера; у дверей его комнаты были привязаны на цѣпи двѣ огромныя меделянскія собаки, знавшія только его и камердинера. Онъ носилъ всегда куртку на заячьемъ мѣху, покрытую голубою тафтою, съ завязками, желтые мундирные штаны изъ сукна, ботфорты, а иногда коты и кожаный картузь; волосы сзади связывалъ веревочкою въ видѣ

пучка, ѳзидилъ въ длинныхъ дрожкахъ цугомъ, съ двумя фореиторами; лакей сидѣлъ на козлахъ, но оборачиваясь назадъ и смотрѣлъ на дорогу.

Чуждества Каменскаго этимъ не ограничивались — онъ также пѣлъ на клиросѣ, ѣлъ за столомъ самъ только простую грубую пищу и очень оскорблялся всякимъ невниманіемъ къ его заслугамъ. Такъ, когда передъ второю турецкою войною императрица послала ему въ подарокъ пять тысячъ золотомъ, онъ захотѣлъ показать, что подарокъ слишкомъ ничтоженъ, и нарочно истратилъ эти деньги на завтраки въ Лѣтнемъ саду, къ которымъ приглашалъ всѣхъ, кто ему попадался на глаза.

Вызванный для войны съ Наполеономъ, предпринятой для защиты Пруссіи, онъ явился въ Петербургъ и помѣстился въ убогомъ помѣщеніи, въ третьемъ этажѣ, въ плохой гостинницѣ. Женатъ онъ былъ на княгинѣ Щербатовой и относительно брака судьба его похожа на судьбу Суворова. Супруги видѣлись довольно рѣдко, однако, плодомъ ихъ супружества были дочь и два сына. Старшаго сына отецъ не любилъ и, по словамъ Энгельгардта, однажды, когда сынъ уже былъ въ чинахъ, графъ публично далъ ему двадцать ударовъ арапникомъ за то, что онъ не явился въ срокъ по какому то служебному дѣлу. Младшаго сына, извѣстнаго театрала, графъ очень любилъ. Каменскій никогда не былъ любимъ ни кѣмъ за свой крутой и вмѣстѣ вспыльчивый и жестокій нравъ; фельдмаршалъ, какъ и многіе вельможи того времени, былъ не разборчивъ въ своихъ связяхъ и подпалъ подъ вліяніе грубой, необразованной и некрасивой простой женщины. Графъ М. Ѳ. Каменскій очень вѣрно обрисованъ Л. Н. Толстымъ въ его романѣ „Война и миръ“ подъ именемъ князя Болконскаго.

Отъ гр. М. Ѡ. Каменскаго былъ отданъ приказъ дворнягъ: подъ страхомъ жесточайшаго наказанія, ни кучеръ, ни лакей, рядомъ съ нимъ сидящій, во время ѣзды ни подъ какимъ видомъ не смѣлъ оборачивать головы назадъ, когда ѣхали съ нимъ. Однажды онъ ѣхалъ домой отъ помѣщика Бырдина; когда экипажъ подъѣхалъ къ дому, въ немъ нашли окровавленный трупъ зарѣзаннаго графа. Убійца былъ, повидимому, очень обезображенъ, т. е. тѣло оказалось совершенно обезображеннымъ. Сынъ дѣятельно принялся за разслѣдованіе убійства. Около 300 человекъ немедленно было заключено въ Орловскій острогъ, изъ коихъ большая часть была сослана въ Сибирь и отдана въ солдаты, а главнаго убійцу двороваго человека Дмитріева приговорено: наказать на мѣстѣ преступленія и въ селѣ Каменскомъ при собраніи крестьянъ и околныхъ людей кнутомъ 200-ми ударами и, вырѣзавъ ноздри и поставя штемпельные знаки, сослать вѣчно въ каторжную работу.

Послѣ отца и покойнаго брата гр. С. М. Каменскій, прозванный сіятельнымъ самодуромъ, наслѣдовалъ громадное количество земли въ Орловской губ. съ 7 тысячами дущъ крѣпостныхъ крестьянъ.

Въ Орлѣ теперь кажется не осталось уже обывателей—очевидцевъ затѣй и чудачествъ одного изъ своихъ знаменитыхъ самодуровъ, но воспоминанія и преданія о немъ и его дѣяніяхъ, безъ сомнѣнія, еще долго будутъ служить темами рассказовъ, возбуждающихъ въ слушателяхъ удивленіе къ тѣмъ страннымъ явленіямъ, которыя только и могли породить нравственно разстѣвшее; блаженной памяти, крѣпостное право.....

На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Орловскій-Бахтина кадетскій корпусъ, прежде, въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія, находился громадный домъ или, лучше сказать, связь деревянныхъ строеній, занимавшихъ по-

чти цѣлый кварталъ. Этотъ лабиринтъ зданій принадлежалъ Орловскому вельможѣ, графу Сергѣю Михайловичу Каменскому. Здѣсь помѣщался театръ, извѣстный тогда по всей Россіи подъ названіемъ „театра Каменскаго“. Театръ этотъ доставлялъ немалое удовольствіе орловцамъ, хвалившимся тѣмъ, что они, не въ примѣръ другимъ губерніямъ, имѣютъ „свой“ собственный театръ, привлекавшій къ себѣ посѣтителей не только изъ уѣздовъ орловской губ., но и изъ городовъ окрестныхъ губерній, пробавлявшихся театрами, крайне невзрачными и содержимыми какими-нибудь антрепренерами-горемыками, нанимавшими труппу за мѣдные гроши.

Правда, около 30-хъ годовъ были истинно изящные и блестящіе театры, поглотившіе громадныя состоянія своихъ владѣльцевъ. Театры эти принадлежали: въ Орлѣ — генералу Мацневу, угощавшему своихъ друзей, помимо театральныя представленія, вакханаліями съ крѣпостными актрисами, и въ уѣздахъ Орловской губ.: Офросимову, Бырдину, Тургеневой и Юрасовскимъ и въ соседней Курской губ. помѣщику Анненкову. Многіе изъ театровъ, имѣя декораціи, машины, костюмы, музыку и т. п. не хуже, чѣмъ въ Императорскихъ, были далеко не для всѣхъ доступны, потому что находились въ имѣніяхъ владѣльцевъ, недопускавшихъ къ себѣ безъ разбора всѣхъ и cadaго. Въ Орлѣ театръ былъ публичный; зала его состояла изъ нѣсколькихъ десятковъ двухъ-ярусныхъ ложъ, съ галлереею въ видѣ амфитеатра. Всѣ эти мѣста предоставлялись публикѣ за деньги. Представленія въ театрѣ графа были три раза въ недѣлю, и каждый разъ сборы доходили до 500—600 р. асс., т. е. въ недѣлю театръ давалъ отъ 1,500 до 1,800 р. асс. Сумма эта, конечно, могла бы изрядно вознаграждать крѣпостныхъ труженниковъ-артистовъ, но, къ сожалѣнію, деньги доставались не

имъ, а хозяину, состояніе котораго было уже сильно потрясено безчисленными долговыми обязательствами, скупленными однимъ орловскимъ богачемъ-подъячимъ Гвоздовскимъ. Насколько графъ у него былъ въ рукахъ, можно судить по тому, что талантливый актеръ Козловъ, исполнявшій въ комедіи Капниста „Ябеда“ роль взяточника и имѣвшій парикъ съ лысиною, похожую на лысину Г., былъ наказанъ на конюшнѣ розгами, а самая пьеса снята съ репертуара графскаго театра.

Впрочемъ, такія вещи объяснялись отчасти и самимъ характеромъ графа, который былъ человекомъ съ большими странностями. Графъ С. М. Каменскій, родившійся въ 1770 г., не отличался ни сановитостью, ни изяществомъ манеръ, ни красотою: толстый, при ростѣ меньше средняго, неуклюжій, сутоловатый, почти совсѣмъ лысый, съ косыми глазами, аляповатымъ носомъ, съ отвислыми, влажными губами и съ лицомъ кирпичнаго цвѣта, графъ производилъ даже комичное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что любилъ молодиться и франтить. Всѣ свои ордена онъ постоянно носилъ на себѣ. Вставалъ графъ обыкновенно часа въ 4½ утра, тотчасъ же облакался въ полную генеральскую форму, надѣвалъ ленту и ордена и ѣхалъ дѣлать визиты, что продолжалось часовъ до 6, а иногда и до 7 утра. Такъ какъ орловцы въ то время любили хорошо поспать, то ясно, что такого ранняго визита никто принимать не могъ. Это было, какъ нельзя болѣе, на руку Каменскому, который за тѣмъ и дѣлалъ визиты въ такое время, когда еще и пѣтухи не просыпались, чтобы вездѣ получать отказы. Совсѣмъ же не дѣлать визитовъ графъ считалъ въ высшей степени невѣжливымъ и неприличнымъ.

Окончивъ визитацію, онъ отправлялся въ свою театральную контору.

Не разгибая спины, графъ работалъ здѣсь до 9 часовъ: раздавалъ публикѣ билеты, записывалъ каждую выдачу въ книгу, вносилъ полученные за нихъ деньги въ особую шнуровую тетрадь, рассылалъ даровые билеты тѣмъ именитымъ гражданамъ города, къ которымъ особенно благоволилъ, вкладывая въ конверты, вмѣстѣ съ билетами, искусно сложенные афиши; затѣмъ онъ собственноручно запечатывалъ конверты графскою печатью, надписывалъ адреса и отдавалъ лакеямъ, которые должны были передать ихъ непременно „въ собѣтвенныя руки“.

Всѣхъ покупавшихъ билеты, графъ подробно допрашивалъ: отъ себя ли покупаются билеты или отъ кого другого; если посланный или пославшій почему-либо не нравились ему, онъ ни за какія деньги не давалъ билетовъ и отгонялъ покупателя отъ кассы. Званіе и приличный внѣшній видъ требовавшихъ билеты покупателей нисколько не служили препятствіемъ къ рѣзкому и грубому выраженію графскаго своеволія.

Разсказываютъ, напр., такой случай.

Къ окну кассы подходитъ прилично одѣтый господинъ и требуетъ билетъ.

— Отъ кого? — спрашиваетъ графъ.

— Отъ себя.

— Кому?

— Мнѣ.

— Происхожденія?

— Очень труднаго: покойная маменька едва-едва...

— Я объ этомъ и не спрашиваю. Чѣмъ занимаетесь?

— Пишу.

— Что?

— Бумаги.

— Какія бумаги?

— Разныя: и нужныя, и ненужныя.

— Гдѣ?

— На столѣ.

— Ничего не пойму! Говорите толкомъ: кто вы такой?
Иначе не дамъ билета!

— Я столоначальникъ консисторіи.

— А! Ну, такъ ишоль-же прочь, глупый столоначальникъ! Твое мѣсто на колокольнѣ, а не въ театрѣ! У меня нѣтъ билетовъ для дьячковъ и пономарей! Вашему брату аллилуйя тянуть, а не на актеровъ глазѣть...

Впослѣдствіи Каменскому понадобилось усыновить своихъ дѣтей и пришлось имѣть столкновеніе съ этимъ чиновникомъ. Графъ сейчасъ же узналъ его и старался всячески загладить свою вину: присылалъ бесплатные билеты въ театръ, возилъ въ каретѣ, приглашалъ на обѣды и завтраки... Однако, сметливый столоначальникъ поводилъ-таки графа за носъ и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ давалъ почувствовать, что въ „дьячкахъ и пономаряхъ“ частенько нуждаются самые вліятельные вельможи...

Въ другой разъ въ театральную кассу явился депутатъ по рекрутскому набору, графъ Мантейфель, въ простомъ сюртукѣ и фуражкѣ, съ хлыстикомъ въ рукѣ и, напѣвая французскую шансонетку, потребовалъ нѣсколько ложъ и кресель. Каменскій былъ до того обиженъ всѣмъ этимъ, что категорически заявилъ ему, что не дастъ ни одного билета, если Мантейфель не явится къ нему въ болѣе приличномъ видѣ. Юный графъ покорился, но только, явившись въ полной парадной формѣ, деньги за билеты влѣлъ внести своему деньщику: оказалось, что они заключались въ нѣсколькихъ мѣшкахъ и всѣ состояли изъ мѣдныхъ копѣекъ и грошей. Бѣдному Каменскому пришлось почти съ часъ пересчитывать массу мелкой и вонючей мѣди.

Въ 9 ч. утра графъ поспѣшно закрывалъ кофтору и стремился за кулисы; въ это время былъ самый разгаръ репетицій.

Общее руководство репетиціями принадлежало графу. Отъ актеровъ онъ требовалъ, главнымъ образомъ, чтобы роль была вызубрена слово въ слово, и горе тому, кто бывало перевернетъ, забудетъ или запнется. Тогда графъ продѣлывалъ плетью на спинѣ артиста или артистки нѣкоторыя, неприятныя для нихъ манипуляціи... Дикціи же, декламаціи, мимики, гримировки и вообще сценическому искусству значенія не придавалось. Можно по этому судить, какой кавардакъ представляли собою спектакли Каменскаго. Зато большое вниманіе удѣлялось декораціямъ, костюмамъ и театральной обстановкѣ: съ каждой новой пьесой, — а онъ безпрестанно мѣнялись, — являлись роскошныя, дорого стоящіе костюмы, аксессуары и декораціи. Золото, серебро, шелкъ, ковры, турецкія шали, страусовыя перья такъ и бросались въ глаза. Особенно блескомъ отличался „Калифъ багдатскій“, роскошная обстановка котораго обошлась болѣе 30,000 руб.; но, не смотря на это, пьеса, по отзывамъ современниковъ, походила болѣе на сумасшедшую затѣю, чѣмъ на театральное представленіе.

Графъ не жалѣлъ денегъ на обученіе дворовыхъ разнымъ искусствамъ, чтобы потѣшить свое тщеславіе, блеснуть передъ завѣжными гостями талантами своихъ рабовъ. Иногда изъ среды этихъ рабовъ — артистовъ и муз. кантовъ выдѣлялись дѣйствительно талантливыя люди. Легко себѣ представить какова была участь этихъ рабовъ. Стоять иногда во всѣхъ отношеніяхъ неизмѣримо выше своего самодура — повелителя, сознавать это и въ то же время чувствовать себя въ его власти, исполнять всѣ его капризы, однимъ словомъ, быть вещью въ рукахъ этого челоуѣка — положеніе ужасное. А между

тѣмъ въ эпоху крѣпостничества тѣхъ трагическія положенія часто разыгрывались въ жизни барскихъ усадебъ. Мы приведемъ здѣсь дѣло о самоубійствѣ крѣпостнаго артиста гр. Каменскаго Ивана Хромыхъ разбиравшееся въ Орловскомъ судѣ въ 1824 г.

Своимъ талантомъ Хромыхъ обратилъ на себя вниманіе тогдашняго директора Императорскихъ театровъ Кокошкина, который предложилъ за него Каменскому выкупъ въ 1000 рублей. Графъ ранѣе и самъ обѣщалъ его отпустить на волю, какъ рассказывали современники, но, узнавши, что за крѣпостнымъ признанъ недюжинный талантъ, отказался отпустить его на волю. Талантливая натура крѣпостнаго, предвидѣвшаго въ скоромъ времени желанную свободу, до того потрясена была этимъ рѣшеніемъ графа, что онъ не вынесъ, сталъ задумываться и застрѣлился.

Какъ опасно было задумываться о своемъ положеніи крѣпостному дворовому, видно изъ того, что большинство ихъ самоубійствъ происходило отъ этой задумчивости. За немногими исключеніями, когда причины самоубійства называются болѣе или менѣе опредѣленно, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ они, обыкновенно, выражаются свидѣтелями одной фразой: „отъ имѣемой въ немъ задумчивости“. Невольно приходитъ при этомъ на память щедринскій „Баранъ непомнящій“, который, увидѣвъ во снѣ вольнаго барана, не вынесъ этого зрѣлища, затосковалъ, зачахъ и издохъ.

Актеры и актрисы были изъ крѣпостныхъ графа, нѣкоторые были куплены имъ за дорогую цѣну. Въ особенности отличались на всѣхъ ампуа мужъ и жена Кравченковы, а также 6-лѣтняя дочь ихъ, миниатюрная дѣвочка, недурно танцовавшая модные тогда танцы—тампеть и качучу. Игру Кравченковыхъ графъ видѣлъ въ имѣніи богатаго орловскаго помѣщика Офро-

симова и, рѣшившись, во что бы то ни стало, имѣть ихъ у себя, промѣнялъ на нихъ свою хорошо устроенную деревню въ 250 душъ.

У Каменскаго было два оркестра музыки: струнный и духовой, по 40 человекъ каждый; всѣ музыканты были одѣты въ военные костюмы, которые съ теченіемъ времени порядочно отрепались, такъ что многіе музыканты ходили въ разорванныхъ до безобразія одеждахъ и босикомъ... Оркестры были, впрочемъ, очень недурные и, если бы Каменскій отпускалъ ихъ въ частные дома, они могли бы заработать себѣ и на одежду, и на обувь, но онъ не позволялъ даже и думать объ этомъ, говоря, что они тамъ испортятся и собьются съ такту*.

Окончивъ репетиціи съ актерами, актрисами и музыкантами, графъ принимался за „пансіонерокъ“. Такъ назывались дворовыя дѣвочки, одѣтыя, обыкновенно, въ коротенькія платица, съ голыми ногами и руками, готовившіяся въ актрисы или танцовщицы. Онѣ каждый спектакль присутствовали въ театрѣ и сидѣли въ галлерей, соприкасавшейся съ ложей графа. На репетиціи каждая изъ нихъ должна была продекламировать монологъ изъ вчерашней пьесы и протанцевать какое-нибудь па. На пансіонерокъ графъ обращалъ особенное вниманіе, такъ какъ горѣлъ нетерпѣніемъ открыть хоть въ одномъ изъ этихъ распускавшихся цвѣтковъ выдающійся драматическій или хореографическій талантъ.

Ровно въ 2 часа гр. Каменскій позволялъ себѣ чуть-чуть передохнуть и подышать свѣжимъ воздухомъ. Онъ шелъ гулять по Орлу и, пройдя извѣстное, всегда строго опредѣленное разстояніе, не сдѣлавъ ни шагу болѣе, ни шагу менѣе, возвращался домой обѣдать.

Въ это время въ дворецкой билъ барабанъ и играла волторна; это означало, что его многочисленная дворня также собиралась обѣдать.

Чтобы въ домашнемъ быту было болѣе порядка и дисциплины, дворня Каменскаго жила на военномъ положеніи: собиралась на обѣды и ужины и ложилась спать всегда съ барабаннымъ боемъ; ѣсть и пить никто изъ дворовыхъ не смѣлъ сидя, а непременно стоя, такъ какъ, по наблюденіямъ графа, человекъ въ столчемъ положеніи всегда ѣсть только до сыта, „а не до безчувствія“.

Самъ графъ, однако, не слѣдовалъ этому правилу, и у него за обѣдомъ сидѣли, а не стояли... Тѣмъ не менѣе, за роскошными графскими обѣдами бывало очень мало гостей, вѣроятно потому, что приглашались очень немногіе обыватели, но зато графъ бывалъ несказанно радъ, когда къ нему заходилъ кто-нибудь безъ зова. Приходить обѣдать могъ всякій, лишь бы посѣтитель былъ прилично одѣтъ. Особенною пышностью отличались воскресные и праздничные обѣды. Хотя и въ такіе дни обѣдало не болѣе 10—15 человекъ, но столъ накрывался и готовился человекъ на 60 и болѣе. Переменная блюды было множество, вино—тоже и притомъ хорошаго качества; за каждой переменной блюды дворецкій обходилъ всѣхъ гостей и обносилъ виномъ. При слуги за обѣдомъ толпилась цѣлая орда, которая громко спорила и перебранивалась между собою. Сервировка графскаго стола далеко не соответствовала титулу хозяина; скатерти были потерты и порваны, салфетки залиты масломъ и саломъ, стаканы и рюмки—разныхъ фасоновъ и берѣдко съ отбитыми краями; ножи и вилки нечищенные и тусые, какъ палки. Очевидно, въ домѣ отсутствовалъ глазъ хозяйки.

За столомъ графъ всегда оживленно бесѣдовалъ и занималъ гостей разговорами о театрѣ и театральномъ искусствѣ; другихъ же разговоровъ онъ терпѣть не могъ.

По окончаніи обѣда, графъ вводилъ гостей въ одну изъ столовыхъ и здѣсь потчевалъ всевозможными лакомствами домашняго приготовленія, подъ тяжестью которыхъ ломился длинный столъ. Черезъ нѣсколько времени, онъ, не обращая вниманія на гостей, кто-бы они ни были, бѣгомъ отправлялся за кулисы подготавливать все къ спектаклю, который начинался всегда ровно въ 6¹/₂ час. вечера.

Во время представленія, съ ложи графа приносили объемистую книгу и клали предъ нимъ на столъ; въ нее смотрѣлъ онъ тщательно: записывалъ всѣ ошибки или упущенія своихъ артистовъ и послѣ cadaго акта выбиралъ какую-нибудь изъ многочисленныхъ плетокъ самыхъ разнообразныхъ фасоновъ и размѣровъ, висѣвшихъ тутъ же, и шелъ за кулисы чинить судъ и расправу. Вскорѣ громкіе вопли и крики провинившихся достигали до слуха зрителей. Иногда онъ сходилъ въ кресла, садился въ первый рядъ и наблюдалъ, не будутъ ли съ этого мѣста замѣтны какія-нибудь неисправности.

Здѣсь онъ, какъ нервный человекъ, положительно не могъ сидѣть спокойно, онъ какъ бы плясалъ на греслѣ и отдавалъ на сцену приказанія: „Дашка, выше подымай!“ „Сонька, руки, руки!“ „Наська, чего животь пятишь!“.

Во второмъ ряду, тотчасъ же за графомъ сидѣла его мать и съ нею двѣ дочери, а позади матери, въ третьемъ ряду любовница графа г-жа Курилова съ огромнымъ на груди, больше чѣмъ панатія, портретомъ Каменскаго, вдѣланнымъ въ медальонъ. Если Курилова чѣмъ-нибудь навлекала на себя неудовольствіе графа, то портретъ этотъ отъ нея осыпался, впредь пока она вновь заслужитъ расположеніе своего барина, а на мѣсто онаго давался другой, точно также отдѣланный, но на

которомъ лица не было видно, а наряжена была чья-то спина и на спинѣ же г-жи Куриловой его вѣшали, и въ такомъ нарядѣ ей приходилось являться въ церковь на соблазнъ всѣхъ молящихся. Кромѣ этого наказанія, назначалось другое, которое было несравненно жесто-чѣе, состоявшее въ томъ, что на квартиру г-жи Куриловой назначалась смѣна дворовыхъ людей подъ коман-дою урядника, которыхъ обязанность была каждыя $\frac{1}{4}$ часа входить къ Куриловой, чтобы она ни дѣлала, и гово-рить ей: „грѣшно, Акулина Васильевна! Разсердили батюшку графа, молитесь!“ и бѣдная женщина должна была сейчасъ же сдѣлать поклонъ; такъ что ей прихо-дилось иногда по ночамъ не спать и почти не вста-вать съ поклоновъ. Графъ, черезъ довѣренныхъ лицъ, провѣрялъ, исправно-ли исполняется эта „эпитимья“, и горе бывало тому, кто бы сдѣлалъ какую нибудь по-блажку. Наказаніе, дѣлаемое г-жѣ Куриловой, рѣдко когда продолжалось свыше нѣсколькихъ часовъ, но за то прогулка съ спиннымъ портретомъ иногда продол-жалась по цѣлымъ мѣсяцамъ.

Мать Каменскаго, вдова фельдмаршала, никогда не показывала виду, что замѣчаетъ Курилову съ портре-томъ.

Какъ-то разъ, въ 1821 году, въ театрѣ Каменскаго явились стоявшіе въ городѣ Сѣвскѣ, но жившіе почти безвыѣздно въ Орлѣ, офицеры Псковскаго кирасирскаго полка; они очень шумѣли, производили безпорядокъ и приставали къ г-жѣ Куриловой, которая въ этотъ ве-черъ была съ спиннымъ портретомъ. Графъ Каменскій страшно сердился, но спектакль на этотъ разъ доведенъ былъ до конца и лишь на слѣдующій день Каменскій узналъ, что все, что продѣлали кирасиры, было ничто сравнительно съ новою выходкою, которая, какъ оказа-лось впоследствии, была продѣлана все тѣми же про-

казниками. Дѣло въ томъ, что у Каменскаго въ эту ночь пропали цѣлыхъ три „дѣвки“ актрисы, которыя отличались красотой и были перлами его труппы. Поднялось дѣло и лишь черезъ годъ найдены были бѣглянки въ Сѣвскѣ—все у тѣхъ же кирасирь-проказниковъ, причемъ оказалось, что двѣ „дѣвки“ были уже съ прибавленіемъ.

Орловцы тогда очень потѣшались надъ этимъ инцидентомъ и говорили, что кирасиры вернули дѣвокъ съ большимъ процентомъ.

Въ антрактахъ публикѣ, сидящей въ креслахъ, подносили моченныя яблоки, груши, пастилу и вареный, прекрасно приготовленный медъ.

Зрителей въ театрѣ Каменскаго было всегда довольно много, хотя и не изъ высшаго орловскаго общества. Аристократы же только изрѣдка пріѣзжали компаніями ради смѣха надъ актерами Каменскаго. Послѣдній все это замѣчалъ и страшно сердился.

Однажды въ театръ пріѣхали: тогдашній корпусный командиръ, баронъ Корфъ, начальникъ дивизіи Уваровъ, графиня Зотова, помѣщицы: Теплова, Хрущева и др., а также нѣсколько генераловъ. Каменскій, замѣтивъ ихъ насмѣшки, былъ внѣ себя, велѣлъ потушить всѣ лампы, кромѣ одной, насадилъ дымомъ всю залу и, въ концѣ концовъ, приостановилъ представленіе и передралъ артистовъ. Послѣ онъ уже не пускалъ этихъ насмѣшниковъ въ театръ и никогда не посылалъ имъ билетовъ.

Въ 1827 г. въ Орель пришелъ на стоянку бирюзовый съ золотомъ Павлоградскій гусарскій полкъ. Графъ Сергѣй Михайловичъ, рѣ виду могущихъ явиться съ прибытіемъ господъ гусарь безпорядковъ, озаботился введеніемъ нѣкоторыхъ новыхъ строгостей въ своемъ театрѣ. Его афиши извѣстили, что всякіе аплодисменты

строжайше воспрещаются и могутъ совершаться лишь по сигналу его сіятельства. Затѣмъ актрисамъ и танцовщицамъ, молоденькимъ крѣпостнымъ дѣвушкамъ, помѣщавшимся въ отдѣльномъ флигелѣ и жившимъ подъ надзоромъ одной злой дуеньи, было велѣно настрожайше никогда не смотрѣть со сцены и зажмуривать глаза въ случаѣ необходимаго по ходу пьесы обращенія къ зрителямъ. Актерамъ, танцовщикамъ и музыкантамъ подъ опасеніемъ розогъ былъ отданъ приказъ не знаться ни съ кѣмъ изъ слугъ гусарскихъ офицеровъ и отнюдь не ходить къ холостымъ офицерамъ для бритья, стрижки, причесыванія, равно какъ для починки сапогъ и платья, ибо всѣ артисты были лучшіе въ городѣ парикмахеры, портные и сапожники. Комическія роли, какъ уже было сказано, исполнялъ Козловъ—буфетчикъ, съ весьма недюжиннымъ талантомъ, исполнившій мастерски, и именно à la Щепкинъ, весь щепкинскій репертуаръ. Этотъ Козловъ доводилъ естественность въ своихъ роляхъ самодурныхъ стариковъ до неподражаемости, и интересно то, что именно эта то непринужденность и художественная простота въ игрѣ Козлова особенно не нравилась графу—антрепренеру.

Главнымъ опернымъ пѣвцомъ былъ портной и бабмачникъ Кравченко, отличавшійся игрою вполне достойною сапожника, а не артиста. Но графъ восхищался его каррикатурно-торжественною походкою и его невозможными жестами. Въ роли драматическаго героя и перваго любовника вездѣ и во всемъ, т. е. и въ операхъ и въ драмахъ, и въ комедіяхъ, и въ водевиляхъ,—былъ парикмахеръ Миняевъ, совершенно бездарная личность. Этотъ Миняевъ былъ уморителенъ своими жестами, изъ которыхъ прикладываніе къ груди скотканнаго платка было особенно рельефно и особенно нравилось графу. Графъ даже приказалъ Миняеву вы-

ражать свои чувства не иначе, какъ съ помощью носового платка. Это приказаніе помѣщика—театрала слылось въ памяти Миняева съ какою-то совершенною надъ нимъ экзекуціей, повидимому, столь краснорѣчивою, что съ тѣхъ поръ, не смотря на десятилѣтнюю давность, онъ постоянно помнилъ необходимость употреблять платокъ, стучать себѣ въ грудь кулакомъ или ухватываться какъ бы судорожно за весьма хохлатый тупей, тщательно завитой однимъ изъ его парикмахерскихъ учениковъ, ламповщикомъ Мишуткой, игравшимъ чертенятъ въ балетахъ и плясавшимъ краковьякъ въ дивертисментахъ.

Такъ вотъ всѣмъ этимъ артистамъ и было приказано какъ можно далѣе быть отъ офицерской прислуги и не пользоваться аплодисментами публики. Но строгости графа не привели, какъ и слѣдовало ожидать, ни къ какому результату; въ первый же вечеръ того торжественнаго дня, когда вся орловская публика высыпала поглазѣть на шествіе въ колонѣ справа по шести по городу бирюзовыхъ гусаръ, зала орловскаго театра до того наполнилась гусарскими офицерами, что чрезвычайно трудно было достать мѣсто. Партеръ заняли гусары, которые явились въ театръ не въ однообразныхъ своихъ мундирахъ, а, шикую ради, всѣ они были въ разноцвѣтныхъ короткихъ доломанахъ съ золотыми брандесбурами и витушками, въ узкихъ чакчирахъ, узорно расшитыхъ и вложенныхъ въ венгерскіе лакированные сапожки съ кисточками.

На сценѣ шла „Днѣпровская русалка“, первая часть, и партеръ нашелъ обетановку и декораціи до того превосходными, что, несмотря на запрещеніе, такъ оглушительно зааплодировалъ, что не было возможности начинать пьесу. Графъ всталъ и грозно замахалъ платкомъ. Но аплодисменты еще болѣе усилились. Графъ

приказалъ опустить занавѣсъ и тушить лампы, тогда рукоплесканія прекратились и замѣнились громкимъ смѣхомъ. Дивизионный генералъ фонъ-Будбергъ всталъ и началъ просить графа, чтобы онъ отмѣнилъ свое запрещеніе, хотя на сегодняшній вечеръ, осыпая компли-ментами его театръ. Графъ сдался и велѣлъ снова начинать представленіе. Подняли занавѣсъ, оркестръ за-игралъ, запѣли густо набѣленные и наруганные но въ мѣру пѣвцы и пѣвицы, костюмы которыхъ, по край-ней мѣрѣ издали, были недурны и свѣжи. Зато сами пѣвицы не отличались ни молодостью, ни красотою. Все шло довольно спокойно, какъ вдругъ аплодисменты, со-провождаемые громкимъ и неудержимымъ смѣхомъ, за-гремѣли такъ неистово, что казалось стѣны театра рух-нуть. Графъ въ отчаяніи склонилъ поблѣднѣвшую ли-сую голову. Причина такого скандала была бѣлый ро-гатый козелъ Васька, сбросившій съ своей осѣдланной краснымъ чепракомъ спины баритона Матюшку Крав-ченко. Кравченко исполнялъ роль конюшаго князя Ви-достана, веселаго Тарабара, и долженъ былъ явиться верхомъ на козлѣ, въ котораго волшебница русалка пре-вратила его лихого коня. Матюшка выѣхалъ съ своей бравурною арією очень благополучно, какъ вдругъ ап-лодисменты до того поразили его коня, что онъ заар-тачился, а кучера приняли его изъ-за кулисъ въ кнуты. Козелъ ринулся впередъ, взвился на дыбы и сбросилъ своего сѣдока. Къ, зра насилу уняли его и увели за кулисы. Но графъ уже скрылся домой, проклиная и актеровъ, и пугливаго козла. Кравченко былъ выпоротъ, а первая часть „Русалки“, гдѣ долженъ былъ появ-ляться козелъ, окончательно снята съ репертуара. Прав-да, были попытки устроить козла-автомата, но машину устроили такъ, что и втораго сѣдока постигла участь Кравченко.

Такіе курьезы происходили въ театрѣ Каменскаго, но, несмотря на это, онъ былъ долго въ цвѣтущемъ состояніи и доставлялъ до тѣхъ поръ удовольствіе орловцамъ, пока, наконецъ, состояніе графа окончательно не рухнуло.

Графъ умеръ въ 1835 г. въ своемъ орловскомъ селѣ Сабуровѣ, оставленный всѣми, въ положеніи близкомъ къ нищетѣ и въ самыхъ мучительныхъ физическихъ страданіяхъ.

А еще ранѣе этого покончилъ существованіе и его театръ...

Въ 1835 г., съ приобрѣтеніемъ казною въ Орлѣ дома гр. Каменскаго, для построенія на мѣстѣ его кадетскаго-Бахтина корпуса, Императоръ пожаловалъ городу находившееся при томъ домѣ деревянное театральное зданіе для постройки театра, который и былъ выстроенъ въ концѣ городского сада, противъ присутственныхъ мѣсть.

Глава II.

Страпности Болховской помѣщцы Юрасовской, си крѣпостной хоръ. Орловскій губернаторъ кн. Трубецкой—любитель распеванія и разносовъ. Изобрѣтатель Гурьевской каши крѣпостной человекъ пом. Юрасовскаго—Кузьмичъ, продажа его министру финансовъ графу Гурьеву.

Въ Болховскомъ уѣздѣ въ началѣ прошлаго столѣтія славился крѣпостной пѣвческій хоръ Александры Денисовны Юрасовской, которая возила также иногда свой хоръ въ Орелъ, гдѣ онъ пѣлъ по разнымъ церквамъ и у архіерея. Всѣ пѣвцы хора Юрасовской обращали на себя всеобщее вниманіе между прочимъ двумя слѣдующими оригинальностями: во первыхъ, они носили, вмѣсто общепринятыхъ пѣвческихъ кафтановъ, какіе-то испанскіе черные плащи, въ которые они и кутались къ изумленію всѣхъ. Иногда среди этого хора появлялась и сама Александра Денисовна съ лирою въ рукахъ, на которой она играла въ совершенствѣ, въ какой-то древне-римской тогѣ, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ. Второю оригинальностью было то, что всѣ безъ исключенія хористы были „брюнеты безъ стмѣтинъ“, т. е. окрашены въ черную краску.

Бывало, рассказывалъ намъ одинъ изъ Болховскихъ старожилонъ, появится нѣсколько такихъ пѣвчихъ на улицахъ Болхова, моментально Богъ вѣсть откуда только вырастаетъ толпа кричащихъ въ догонку страннымъ пѣвчимъ: угольщик! угольщик! Тѣ, вмѣсто всякихъ возраженій, засучиваютъ рукава и пошла потѣха: разумѣемъ кулачный бой, устраиваемый иногда прямо на улицѣ, иногда же на какой либо изъ Болховскихъ площадей. Среди этихъ пѣвчихъ особенно отличался Фомка Саутинъ, который разъ пристававшо къ нему извѣстнаго Гульскаго бойца Никитку Долговяза такъ „двинулъ“, что тотъ изъ кабака вылетѣлъ словно котенокъ. Появленіе Саутина въ стѣнѣ бойцовъ производило обыкновенно панику среди дерущихся. Въ такихъ случаяхъ онъ билъ не щади и останавливался лишь только тогда, когда лобъ его упирался во что либо не сокрушимое.

Наканунѣ праздниковъ этихъ пѣвчихъ водили въ баню, гдѣ они и мылись. Разъ какъ-то передъ однимъ изъ большихъ праздниковъ, когда въ банѣ отъ тѣсноты и повернуться было негдѣ, надъ пѣвчими Юрасовской, принявшими отъ мытья мыломъ свой первоначальный цвѣтъ, начали бывшіе здѣсь мѣщане потѣшаться. Не вытерпѣли пѣвчіе такой обиды и бросились турьбою на обидчиковъ. Мѣщане вздумали было защищаться шайками, ну и раскаялись,—всѣхъ ихъ выгнали на улицу, гдѣ и грянулъ бой... кулачный бой; къ пѣвчимъ присоединились случайно проѣзжавшіе мимо бани конюха П. Д. Юрасовскаго, за мѣщанъ заступились нѣкоторые городскіе, а другіе поспѣшили оповѣстить, что тамъ-то молъ идетъ уже потѣха и моментально къ участію въ созерцаніи восхитительнаго и грандіознаго зрѣлища поспѣшила буквально со всего Болхова масса любителей воинственныхъ ощущеній, состоявшихъ преимущественно изъ купеческой

плутократіи и вителлигенціи, которая, придя на мѣсто боя, была дѣйствительно поражена невиданнымъ зрѣлищемъ. Болховскіе жители зачастую видѣли до этихъ поръ дерущихся одѣтыхъ въ испанскіе плащи, видѣли и одѣтыхъ въ жокейскіе костюмы (копюха П. Д. Юрасовскаго), теперь же бой изображалъ собою дѣйствительно невиданное до сихъ поръ зрѣлище: большинство бойцовъ было вовсе безъ костюмовъ!..... Въмѣсто же гранатъ и разрывныхъ снарядовъ въ воздухѣ свистали шайки, тазы, обломанные скамейки, кирпичи.

По окончаніи боя пѣвчіе обыкновенно прямо отправлялись въ кабакъ пить мертвую. Здѣсь пьянство принимало видъ какъ бы особаго спорта, гдѣ точно на скачкахъ, всѣ поголовно, сдѣлавъ предварительно дватри фальстарта, взапуски одинъ передъ другимъ, бросались въ погоню за сивухой. Такъ какъ эта скачка продолжалась иногда нѣсколько дней, то улицы Орла или Болхова покрывались массою валявшихся тѣлъ, особенно рьяныхъ ѣздоковъ, закинувшихъ и сошедшихъ съ круга. Предѣльнаго возраста здѣсь не было и въ этомъ дикомъ ристалищѣ на равныхъ правахъ состязались всѣ пѣвчіе. Последнія деньжонки, испанскіе плащи, шляпы, сапоги—все исчезало. Проспавшись, всѣ хватались за головы и начинали опохмѣляться, и такъ далѣе нѣсколько дней подъ рядъ. Александра Денисовна долго не могла разыскать своихъ пѣвчихъ. Наконецъ, полиція сообщала помѣщицѣ, что ея пѣвчіе найдены въ кабацѣ, причемъ оказались почти поголовно въ костюмахъ прародителей, безъ верхняго платья и сапогъ, почему и посажены въ сѣвжемъ дворѣ въ холодную, въ ожиданіи дальнѣйшаго распоряженія. Барыня послала немедленно выкупленное платье въ полицію, а далѣе дѣло обходилось для пѣвчихъ довольно благополучно—хотя они и не пускались на глаза, по

имъ было приказано отправиться немедленно въ Болховской Оптыцъ монастырь говѣть, раскаяться въ грѣхахъ и вернуться не иначе, какъ съ запискою отъ настоятеля, что пѣвчимъ грѣхи, за ихъ полнымъ раскаяніемъ, отпущены. Это было въ самый періодъ религіознаго настроенія Александры Денисовны. Пѣвчіе въ точности исполняли приказъ барскій, отправлялись въ Оптинъ монастырь, говѣли и привозили отъ настоятеля записку, что грѣхи имъ отпущены, послѣ чего пѣвчіе допускались на глаза барынѣ.

Въ 1852 г. Юрасовская вздумала пожертвовать колоколь на церковь Троицкаго кладбища въ Орлѣ. Оригиналка всегда и во всемъ, она и этого не могла сдѣлать обыкновенно. Привезенный на подводахъ изъ Москвы съ зав. Самгина, колоколь былъ доставленъ поздно ночью на дрогахъ къ церкви, гдѣ крѣпостные люди, прикрываясь ночью темнотою, никѣмъ незамѣченные, отстегнули отъ дрогъ постромки, сѣли верхомъ на лошадей и ускакали. Получивъ увѣдомленіе о таинственномъ появленіи колокола, Орловскій губернаторъ Н. И. Крузенштернъ сталъ положительно въ тупикъ (въ каковой, впрочемъ, его превосходительство, судя по архивнымъ справкамъ, становился сплошь да рядомъ). Долго и тщетно полиція разыскивала оставившихъ колоколь, долго тянулась переписка о странномъ появленіи колокола, наконецъ въ 1858 году, колоколь разрѣшено было поднять на колокольную, гдѣ онъ виситъ и понынѣ.

Орловскій губернаторъ кн. П. И. Трубецкой (1841—1849 г.) былъ человекъ честный и врагъ взятокъ. Какъ извѣстно, военные губернаторы, за рѣдкимъ исключеніемъ, бываютъ нелюхими губернаторами, хотя быть можетъ и были до того времени отличными военными начальниками и отцами-командирами. Чаще всего они

подчиняются влиянію правителей своихъ канцелярій, или какого либо чиновника особыхъ порученій и порою состоятъ отъ нихъ въ полной зависимости, бычаютъ водимы за свои превосходительные носы. Трубецкой былъ военный губернаторъ. Вслѣдствіе полного отсутствія административныхъ знаній и таланта, и какихъ бы, и къ чему бы то ни было способностей, кромѣ способности пѣтушиться, кричать безъ толку и не впопадъ, а порою и становиться на дыбы и даже „оборвать“ когонибудь; онъ находился въ полномъ распоряженіи правителя своей канцелярій, да еще одного изъ своихъ чиновниковъ особыхъ порученій, дѣльца и первокласснаго крючка, которыхъ въ высшемъ обществѣ и даже въ общ. собр. называли „опричникками“ и „подъячими“. Между тѣмъ, по пословицѣ „назвался груздемъ, подѣзай въ кузовъ“, ему необходимо было заявить о своемъ губернаторскомъ существованіи, т. е. разбирать и рѣшать разныя дѣла и вопросы, объѣзжать время отъ времени губернію и ревизовать дѣла, а, наконецъ, проявлять свое величіе, хотя уже и микроскопическое, т. е. распекать, громить чиновниковъ, и это было главнымъ дѣломъ, излюбленнымъ упражненіемъ, специальностью бывшаго военного отца и командира. Но тутъ-то и являлась загвоздка. Ревизовать дѣла, распекать за разныя грѣхи, неисправности или беззаконія? Но какъ, кого и за что, потому что его сіятельство смыслилъ въ дѣлахъ столько же, если не менѣе, сколько известная Аксинья смыслила въ апельсинахъ. Но на выручку неумѣлаго администратора являлся подъячскій геній правителя канцелярій и чиновника особыхъ порученій. Дня за два до выѣзда губернатора на ревизию, отиравался туда же вышеуказанный чиновникъ, губернской руководитель, предтеча, alter ego. Приѣхавъ въ подлежащую ревизіи мѣстность, alter ego, снабженный полномочіями, обрестизовывалъ предварительно

дѣла всѣхъ уѣздныхъ присутствій. И если, въ которомъ нибудь изъ цихъ открывалось что неладное, незаконное, то сейчасъ же указывалось на это главѣ ревизуемаго мѣста и мрачно, грозно вопрошалось:

— Что это тутъ у васъ такое? Знаете, понимаете, чѣмъ это пахнетъ?

Ревизуемый конфузился, вздыхалъ, потуплялъ долу свои очи и окончательно трусилъ. Тогда начинались переговоры, настоящіе торгъ и переторжка. Чтобы спастись отъ бѣды неминуемой, уплачивался губернаторскому руководителю болѣе или менѣе крупный „калымъ“, смотря по величинѣ открытаго въ дѣлѣ грѣха или беззаконія. Затѣмъ quasi ревизоръ писалъ письмо своему патрону, что въ такомъ-то мѣстѣ все обстоитъ благополучно и оставлялъ это письмо для передачи начальнику губерніи, по пріѣздѣ его въ ту мѣстность. И, такимъ образомъ, какіе-бы грѣхи, беззаконія и пакости ни открывались гдѣ нибудь, все было шито и крыто, и тучи проходили надъ головами виновныхъ, не задѣвъ ихъ. Но, если никакого соглашенія между ревизуемымъ и quasi ревизующимъ не послѣдовало, тогда этотъ послѣдній выставлялъ карандашомъ, тамъ и сямъ на поляхъ ревизуемаго дѣла, едва замѣтные крестики; а въ письмѣ губернатору указывалъ, что въ такомъ-то присутствіи и въ такомъ-то дѣлѣ были открыты страшнѣйшіе беспорядки, беззаконія, которые и обозначены извѣстнымъ образомъ. Ну, тогда неподатливому субъекту приходилось жутко: распекутъ, разругаютъ цензурно и даже нецензурно, словомъ „оборвутъ“ страшнѣйшимъ образомъ, а то, пожалуй, и вытурятъ изъ службы.

Но однажды вынетъ казусъ, уничтожившій подвохи и каверзы губернаторскаго alter ego, да еще поставившій въ несказанный тупикъ и самого губер-

натора, и лишивший его „бенефиса“ распеканія и оборванія. Одинъ изъ исправниковъ, тонкая штука, пронюхалъ вторженіе въ ревизуемая дѣла едва замѣтныхъ крестиковъ и разгадалъ ихъ распекательное значеніе. При первой же затѣмъ ревизіи, онъ храбро отказался отъ уплаты какого бы то ни было калыма; а, по отбытіи разгнѣваннаго водрузителя крестовъ, взялъ да и стеръ ихъ гуммиластикомъ. Между тѣмъ, сіятельный администраторъ-ревизоръ прибылъ въ мѣсто служенія ртачливаго исправника и узналъ изъ письма своего alter ego, что тамъ-то и въ такомъ-то дѣлѣ открыты важные безпорядки и противузаконія и обозначены извѣстнымъ образомъ.

Послѣ обѣда у предводителя дворянства съ обильнымъ возліаніемъ специально приготовленныхъ къ приѣзду его сіятельства дорогихъ винъ, ликеровъ и шампанскаго, невообразимо величественно и грозно вступилъ онъ въ присутствіе земскаго суда, потребовалъ такое-то дѣло и заранѣе предвкушалъ всю сладость распеканія и уничтоженія, что составляло единственную у него способность и квинтъ-эссенцію губернаторской дѣятельности. Но, о „конфузія“, о ужасъ! Крестовъ въ дѣлѣ не оказывается ни одинаго... какое несчастіе! Тщетно ретивый не по разуму сіятельный ревизоръ перелистываетъ оговоренное дѣло, вглядывается въ каждую страницу, внимательно пробѣгаетъ ее: нигдѣ ни одинаго крестика. А распекать такъ хочется, а наобумъ нельзя: какъ разъ попадешь въ дураки, хоть и сіятельные, а все-таки скверно. Ну какъ распечешь за то, за что слѣдовало бы похвалить. Итакъ, бенефисъ въ пользу администратора былъ отмѣненъ, и изверженіе сіятельнаго Везувія не послѣдовало, такъ какъ было отложено до болѣе удобнаго случая.

Любопытныя свѣдѣнія о Трубецкомъ сообщаетъ Н. С. Лѣсковъ въ его очеркъ „Умершее сословіе“ (изъ юношескихъ воспоминаній).

Кто-то изъ охотниковъ вмѣшиваться не въ свое дѣло сообщилъ письмомъ князю Петру Ивановичу, что въ Орловской гимназій происходятъ будто бы непозволительныя вещи, а именно—будто учитель исторіи (кажется) Вас. Ив. Фортунатовъ (тогда уже почтенный старикъ) излагаетъ ученикамъ „революціонныя эскерсисы“, а почетный попечитель гимназій, флота капитанъ 2-го ранга Мордарій Васильевичъ Милюковъ (на дочери котораго впоследствии былъ женатъ В. Якушкинъ) будто бы оказываетъ этому вредному дѣлу покровство.

Наблюдатель, желавшій оставаться самъ въ неизвѣстности, представлялъ въ подкрѣпленіе своихъ словъ доказательства, состоявшія въ томъ, что подозрѣваемый имъ въ неблагонадежности учитель исторіи, въ присутствіи попечителя Милюкова, разъяснялъ ученикамъ „о правахъ третьяго сословія во Франціи“, а капитанъ 2-го ранга Милюковъ учителя не остановилъ и тѣмъ выразилъ ему какъ бы свое одобреніе.

Можно было предполагать, что извѣтъ этотъ прислалъ князю кто-нибудь изъ родителей какого-нибудь воспитанника,—человѣкъ, можетъ-быть, ничего не знавшій въ исторіи и имѣвшій какой-то сумасшедшій взглядъ на позволительное и непозволительное въ преподаваніи.

Болѣе важнаго въ доносѣ ничего не указывалось, но князь никогда не давалъ себѣ труда различать важное отъ неважнаго. Ему главное было, чтобы имѣлся предлогъ „пошумѣть“. Это былъ въ его время такой служеб. ый терминъ. О начальникахъ, которыхъ особенно хотѣли похвалить, всегда говорили: „Охотникъ пошу-

мѣть. Если къ чему привяжется, и зашумить, и изругаетъ какъ нелзя хуже, а неприятности не сдѣлаеть. Все однимъ шумомъ кончалъ*.

Такихъ начальниковъ одобряли: „брань на вороту не виснетъ“.

Таковъ былъ отчасти и князь Петръ Ивановичъ, и такъ же поступилъ онъ въ томъ случаѣ, о которомъ будемъ бесѣдовать, вспоминая его славное время.

Князю Трубецкому письмо показалось вполне достаточнымъ поводомъ для того, чтобы выѣхаться не въ свое дѣло и кому-нибудь „надерзить“. (О немъ такъ и говорили въ Орлѣ, что онъ „любить дерзить“).

Князь сейчасъ же призвалъ правителя или исправлявшаго его должность и велѣлъ немедленно написать „хорошій напругай и указаніе“. Сноситься съ попечителемъ, который тогда жилъ въ Харьковѣ, князю казалось излишнимъ, — онъ хотѣлъ самъ исправлять все непосредственно, — да и дѣло не терпѣло отлагательства.

Правитель канцеляріи не могъ возражать князю, а извернулся иначе. Онъ сослался на незнакомство съ учебнымъ дѣломъ и указалъ на Марковича, какъ на человека „университетскаго“, который долженъ все это хорошо знать и потому можетъ написать и „напругай указаніе“.

Приказаніе сейчасъ же было передано Марковичу и поставило того въ очень неприятное затрудненіе. Онъ не могъ усмотрѣть рѣшительно никакой вины со стороны учителя въ томъ, что тотъ упоминалъ про „третье сословіе“, и не зналъ, какой и за что давать напругай. А потому онъ явился къ князю и осмѣлился ему доложить, что это не губернаторское дѣло, а дѣло попечителя учебнаго округа, а притомъ, что учитель имѣлъ основаніе упоминать о „третьемъ сословіи“, такъ

какъ это, очевидно, не что иное, какъ tiers-état, т. е. сословіе гражданъ и крестьянъ, составлявшее въ феодальныя времена во Франціи часть генеральныхъ штатовъ (États-généraux) и существовавшее до революціи рядомъ съ аристократіею и съ духовенствомъ.

Князь разсердился, и хотя онъ обращался съ Марковичемъ всегда деликатнѣе, чѣмъ съ другими, но тутъ и на него зашумѣлъ во всю. Обрезонить его не было никакой возможности, ибо онъ былъ ужаснѣйшій крикунъ и ругатель.

Вообще, какъ гражданскій правитель, Трубецкой походилъ, пожалуй на Альберта Брольи, о которомъ Реклю говоритъ, что „по мѣрѣ того, какъ онъ приходилъ въ волненіе онъ начиналъ пыхтѣть, свистать, харкать, кричать и трещать, гнѣвъ его походилъ на гнѣвъ восточнаго евнуха, который не знаетъ, чѣмъ излить досаду“. Но Трубецкой имѣлъ еще перевѣсъ передъ Брольи, потому что зналъ такія слова, которыхъ Брольи, конечно, не зналъ, да, безъ сомнѣнія, и не посмѣлъ бы употребить съ французами.

Такимъ Трубецкой явился и на сей разъ. Онъ ничего не желалъ слушать и настойчиво велѣлъ какъ можно скорѣе написать „напрягай“ и подать его къ подписи.

Онъ былъ очень скоръ и любилъ дѣйствовать по военному.

Марковичъ дерзнулъ только спросить, какъ онъ прикажетъ впредь называть людей третьяго сословія?

— Называть ихъ такъ, въ какихъ они нынче чинахъ.

— Они всѣ уже умерли.

— А это еще лучше: если они умерли, то пусть учитель и говоритъ о правахъ „умернанаго сословія“.

Приходилось писать объ умершемъ сословіи и на-
прягай Милюкову, и наставленіе учителю, а также и
сообщеніе окружному учебному начальству.

Но что человекъ предполагаетъ, то Богъ распола-
гаетъ.

— Представлять резоны князю Трубецкому было не-
возможно, тѣмъ болѣе, что и тѣ краткія замѣчанія, ко-
торыя осмѣлился представить ему Марковичъ, уже при-
вели легко возбуждавшуюся натуру губернатора въ
кипяченіе. Князь въ такихъ случаяхъ не переносилъ
даже себя самого и нетерпѣливо рвался на воздухъ.
Ему надо было выглянуть и выпустить, изъ себя не-
укротимый жаръ.

Въ губернаторскомъ домѣ всѣ это знали, и чуть
князь начиналъ шумѣть, сейчасъ же готовили для него
лошадей „на выскочку“.

Такъ въ городѣ и говорили: „вотъ князь ѣдетъ на
выскочку“—и всѣ по возможности, прятались, чтобы
не попадаться ему на глаза.

И теперь онъ тоже рѣзко всталъ изъ-за стола, по-
рывисто отбросилъ ногою прочь свое кресло и велѣлъ,
какъ можно скорѣе подать открытую пролетку. Онъ
очень спѣшилъ на кого-нибудь покричать на вольномъ
воздухѣ, потому что въ такихъ случаяхъ онъ любилъ
кричать громко, во все свое удовольствіе, но дома, при
княгинѣ, онъ не всегда смѣлъ доставить себѣ такое
удовольствіе *).

Чинovníкъ ушелъ, а князь поѣхалъ по городу, что-
бы какъ-нибудь перетерпѣть, пока ему изготовятъ и

---

*) Супруга Петра Ивановича Трубецкого, рожденная Витгенштейнъ,
была сама очень грознаго характера и любила властвовать безъ раздѣла. Ея
гнѣвность и силу знали не только въ городѣ, но и на почтовыхъ станціяхъ,
гдѣ ея боялись всѣ ямщики... Необыкновенное воспитаніе этой знатной дамы
составляло для всѣхъ неразъяснимую загадку.

подадутъ подписывать „напрягай“, а тѣмъ временемъ, по усмотрѣнію судьбы, мысли его получили другое направленіе и напрягай оказался совсѣмъ неслужнымъ.

У князя Петра Ивановича въ Орлѣ былъ знаменитый кучеръ. Онъ развѣ малымъ чѣмъ-нибудь уступалъ оставившему по себѣ въ Москвѣ историческую память кучеру оберъ-полицеймейстера Беринга. Орловскій наѣздникъ былъ также утробистъ, также горластъ и краснорожъ, имѣлъ такіе же выпяченные рачьи глаза и такъ же неистово хрипло оралъ и очертя голову несся на всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ, ни за что не ожидая, пока тѣ успѣютъ очистить ему дорогу. На душѣ этого христіанина, говорятъ, считалось уже нѣсколько смертныхъ грѣховъ, и во всякомъ случаѣ онъ по справедливости могъ почитаться въ свое время очень опаснымъ человѣкомъ въ городѣ.

Лихая ѣзда какъ на пожаръ тогда была, впрочемъ, въ модѣ у многихъ большихъ лицъ, и это почиталось даже необходимымъ признакомъ „твердой власти“. Особенно шибко ѣздили губернаторы и полицеймейстеры: они всюду скакали, и кучера ихъ всегда особенно кричали. Это придавало городамъ оживленіе.

Князь Трубецкой по преимуществу любилъ такого рода всенародную помпу, и горожанамъ она нравилась. Всѣ видѣли, что губернаторъ ѣдетъ какъ губернаторъ, а не трюхъ-трюхъ, какъ ѣздили тогда въ Орлѣ приснопамятный инспекторъ гимназіи Азбукинъ.

А ѣздили князь большею частію по-русски, то-есть парой, съ пристяжкой, — рысакъ въ корнѣ и залихватскій, въ кольцо изогнувшійся скакунъ въ пристяжкѣ.

Летить, бывало, какъ вихорь, кони мчатся, подковы лязгаютъ о широкіе каменья отвратительной орловской мостовой, кучеръ выпретъ глаза и оретъ, какъ будто

его снизу огнемъ жарить, а князь сидить руки въ боки, во всѣ стороны поворачиваетъ свое маленькое незначительное лицо, которому не даровано было отъ природы никакого величія, но, однако, дозволено было производить нѣкоторый испугъ. Для этого князю стоило только поднять къ носу стоячіе усы и пустить въ ходъ свое прискорбное сквернословіе. Ротъ у него тогда становился черный и круглый какъ у сжатаго за жабры окуня, а изъ-подъ усовъ рвались и текли эти звуки, которые по справедливости требовали увѣщаній по тексту извѣстнаго поученія, приписываемаго Іоанну Златоусту.

Прибавьте къ этому, что человекъ, о которомъ говоримъ, по вѣрному мѣстному опредѣленію, былъ невразумителенъ, грубъ и самовластенъ,—и тогда вамъ станетъ понятно, что онъ могъ внушать и ужасъ, и желаніе избѣгать всякой съ нимъ встрѣчи. Но простой народъ съ удовольствіемъ любилъ глядѣть, когда ѣнъ садить. Мужики, побывавшіе въ Орлѣ и имѣвшіе счастье видѣть ѣхавшаго князя, бывало долго рассказываютъ:

— И-и-ихъ, какъ ѣнъ садить! Ажно быдто весь городъ тарахтитъ.

Особенно сильное впечатлѣніе производило, когда князь поворачивалъ на углу изъ одной улицы въ другую. Тутъ его кони, экипажъ, кучеръ и самъ онъ неслись совсѣмъ накренясь, и на поворотѣ летѣли въ наклонномъ положеніи, пока опять выравнивались и, принявъ прямое положеніе, мчались еще быстрее. Это никогда не обѣщало благополучія ни пѣшему, ни конному, кто бы тутъ ни подвернулся.

Такъ Трубецкой понесся и теперь, раздраженный почтительными представленіями Марковича о третьемъ сословіи во Франціи.

Губернаторъ ѣхалъ отъ себя съ горы, по Болховской улицѣ внизъ. Онъ имѣлъ, вѣроятно, намѣреніе пронестись мимо оконъ гимназій, чтобы тамъ его увидели и заранѣе содрогнулись.

Онъ благополучно обскакалъ „домъ дворянства“ и безъ всякаго для себя вреда повернулъ выпзъ за уголъ, но здѣсь случилось съ нимъ несчастье: кони его спшибли съ ногъ одного приказнаго. Тотъ, однако, съ Божіею помощію всталъ и выпутался изъ своей разодранной шинелишки, и даже старался успокоить начальство, что его приказной спинѣ не больно. Но князь еще больше осердился и обругалъ подьячаго за неловкость, — а затѣмъ вдругъ встрѣтилъ новый, еще большій безпорядокъ.

Въ то время, какъ князь подѣхалъ къ Введенскому дѣвичьему монастырю (нынче, простая приходская церковь), ему, противъ магазина тогдашняго велико-свѣтскаго портного Жильберта, попался навстрѣчу мѣстный купецъ П. — Купецъ былъ старикъ и плохо видѣлъ, а притомъ онъ ѣхалъ въ маленькой бѣговой купеческой телѣжкѣ и самъ правилъ дорогимъ кровнымъ рысакомъ.

Купецъ этотъ былъ большой храмоздатель и съ этой стороны былъ извѣстенъ архіерею Смарагду, а кромѣ того, онъ былъ охотникъ до лошадей и съ этой стороны былъ извѣстенъ князю, у котораго не было ни одной такой хорошей лошади, какою правилъ теперь купецъ. Это уже само по себѣ было непорядокъ.

Ѣхалъ купецъ шагомъ, чинно и степенно, что называется „въ свое удовольствіе“, а рядомъ съ нимъ, подъ лѣвымъ локтемъ, помѣщался мальчикъ лѣтъ четырнадцати, его фаворитъ-внучекъ; но, встрѣтившись съ

губернаторомъ, купецъ ни самъ не снялъ картуза, ни поучилъ этому внука. Это уже было совсѣмъ непозволительно.

Всего вѣроятнѣе, что купецъ, правя горячею лошадью, не успѣлъ снять передъ княземъ Петромъ Ивановичемъ свой картузъ, а о внуку не вспомнилъ. Но князь не любилъ входить въ такія мелочи. Онъ видѣлъ въ этомъ одинъ оскорбительный для него фактъ. Онъ заколотился руками и ногами и поднялъ такой шумъ и крикъ, что купецъ оробѣлъ и бросилъ вожжи. Лошадь рванула и понесла, выбросивъ старика у дверей Жильберта, а внука у столбовъ Георгіевской церкви.

Мальчикъ, болѣе легкій тѣломъ, отдѣлался счастливо, а грузный старикъ очень расшибся. Старый французъ Жильбертъ имѣлъ столько независимости, что поднялъ его и посадилъ у себя на крылечкѣ, — и тѣмъ, можетъ-быть, вызвалъ на мягкость самого князя.

Трубецкой велѣлъ посадить старика на извозчика и отправить его на гауптвахту, гдѣ того и продержали, пока князь успокоился, а онъ въ это время все ждалъ, не станетъ ли заступаться за купца Смарагдъ, и за эту новую заботою позабылъ о полученномъ имъ извѣтѣ на счетъ третьяго сословія. Марковичъ же случившій и не напоминалъ ему о его намѣреніи вмѣшаться не въ свое дѣло. Такъ опасность отъ вреднаго направленія въ гимназіи миновала, и губернаторское распоряженіе именовать tiers-état „умершимъ сословіемъ“ не получило дальнѣйшаго хода. За все французское tiers-état въ Орлѣ оттерпѣлся одинъ купецъ, едва умѣвшій выводить каракулями „церикофніи старта“.

Но пришло какое то измѣнчивое время, и Смарагдъ съ предводителемъ какъ то „подвели“ Трубецкому какую-то хитрую механику. Почувствовалась надобность

„убрать его въ сенаторы“. Убрали. Онъ уѣхалъ на-
чисто, такъ что послѣ его отъѣзда въ губернаторскомъ
домѣ не нашли даже нѣкоторыхъ царкетовъ.

Не лишень также большого интереса рассказъ
Н. С. Лѣскова о встрѣчѣ въ Кіевѣ Трубецкаго съ Кіев-
скимъ губернаторомъ И. И. Фундуклеемъ.

Фундуклей шелъ, понуривъ голову и закрывая
лицо распущеннымъ безъ надобности зонтикомъ, а
Трубецкой „перъ“ своей гордой растопыркой, задравъ
лицо кверху. Они столкнулись. Трубецкой получилъ
легкое прикосновеніе къ локтю, но самъ вышибъ этимъ
локтемъ у Фундуклея зонтикъ и шнурокъ, на которомъ
шла собачка.

Грузный Фундуклей ничего не сказалъ и сталъ
дѣлать очень тяжелое для него усиліе, чтобы поймать
и поднять покотившійся зонтикъ, а въ это время отъ
него побѣжала его собачка, шнурокъ которой ему было
еще труднѣе схватить, чѣмъ зонтикъ.

Трубецкой же разсердился, затопоталъ и закричалъ:

— Знаешь ли, кто я? знаешь ли, кто я?

— Не знаю, — отвѣчалъ Фундуклей.

— Я губернаторъ!

— Ну такъ что же дѣлать, — разсѣянно произнесъ
Фундуклей: — я и самъ тоже губернаторъ!

Въ это время на небѣ блеснула луна, и случив-
шійся на улицѣ квартальный, узнавъ Фундуклея, пой-
малъ и подвелъ къ нему на шнуркѣ его собачку.

Тутъ Трубецкой воочію убѣдился, что передъ нимъ въ
самомъ дѣлѣ, должно-быть, губернаторъ, и поспѣшилъ
возвратиться въ свою гостинницу въ гнѣвѣ и досадѣ,
которая и излилась передъ покойнымъ медицинскимъ
профессоромъ Алекс. Павл. Матвѣевымъ. Акуперъ Мат-
вѣевъ происходилъ изъ дворянъ орловской губерніи и

имѣлъ родныхъ, знакомыхъ Трубецкому, вслѣдствіе чего и былъ приглашенъ для бесплатнаго медицинскаго совѣта. Ему Трубцкой разсказалъ свою „непріятную встрѣчу“, а тотъ по нескромности развезъ ее во всю свою акушерскую практику.

Теперь всѣ эти лица уже сами составляютъ „умершее сословіе“; но когда случится вспомнить о ихъ времени, то даже какъ-будто не вѣрится, что все это было въ дѣйствительности, и притомъ еще сравнительно такъ недавно.

Въ то время, о которомъ я повѣствую, помѣщики посылали зачастую своихъ крѣпостныхъ въ Петербургъ и Москву учиться разнымъ мастѣрствамъ, платя за нихъ большія деньги. До сихъ еще поръ въ провинціи попадаются прекрасные доморощенные повара, кондитеры, портные и даже музыканты. Всѣ они болѣе или менѣе хорошо устроились послѣ отмѣны крѣпостного права.

Оригинальный разсказъ приводитъ кн. Голицынъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (1900 г. Январь) объ одномъ изъ таковыхъ поваровъ, обучавшемся „отъ Московскихъ французовъ поварскому мастерству“. По словамъ кн. Голицына, обѣдавшій какъ-то въ 1822 году у Болховскаго предводителя дворянства, П. Д. Юрасовскаго, министръ финансовъ, графъ Гурьевъ, знаменитый любовью хорошо поѣсть, пришелъ положительно въ восторгъ отъ приготовленной крѣпостнымъ поваромъ Кузьмичемъ какой-то превкусной кашицы. Не будучи въ состояніи удержать своего восторга, министръ бросился цѣловать повара, такъ угодившаго его избалованному вкусу. Послѣ этого, Юрасовскій не имѣлъ положительно покоя отъ упрашиванія Гурьева продать ему Кузьмича. Сначала Юрасовскій отвѣчалъ полнымъ отказомъ, но потомъ, желая отдѣлаться, предложилъ три

слѣдующихъ условія, которыя онъ, полагать должно, считалъ неисполнимыми. Первое условіе заключалось въ томъ, что на продажу Кузьмича требовалось его личное согласіе; второе: при исполненіи перваго, Юрасовскій соглашался продать лишь всю семью полностью, и третье: за все это онъ, какъ говоритъ молва, запросилъ ни болѣе ни менѣе, какъ всего только (бездѣлицу!) — мѣрку золота (червонцевъ). Послѣднее П. Д. Юрасовскій считалъ положительно невозможнымъ и думалъ, что на предложеніи этихъ условій торгъ окончится, но вышло иное. Что обыкновенному смертному подчасъ кажется невозможнымъ, для министра (особенно финансовъ) кажется сущими пустяками. Въ результатъ и явилась купчая, вслѣдъ за которою вскорѣ въ Петербургъ, а затѣмъ и по всей Россіи, загремѣла слава знаменитой въ лѣтописяхъ кулинарнаго искусства „Гурьевской каши“, изобрѣтателемъ которой является, слѣдовательно, крѣпостной человѣкъ помѣщика П. Д. Юрасовскаго Кузьмичъ; что же касается до графа Гурьева, имя котораго гремитъ нераздѣльно съ кашей, то онъ уничтожилъ неимоверное количество ея.... И только....

Глава III.

Шалости Гродненскихъ гусаръ и Псковскихъ кирасиръ. Любители сѣдой старицы—афинскихъ вечеровъ. Маскарадъ въ Орловскомъ дворянскомъ собраніи. Экцентричность барона Тизенгаузена. Оригинальный вечеръ.

Въ доброе старое время военный мундиръ, а въ особенности гусарскій, игралъ большую роль,—прекрасный полъ былъ очень неравнодушенъ къ повѣсамъ въ яркихъ ментикахъ. А такъ какъ служба въ конницѣ считалась „издревле боярской“, то до введенія всеобщей воинской повинности тамъ служили только представители древнихъ дворянскихъ родовъ. Теперь ни для кого не секретъ, что духъ армейскихъ офицеровъ именно потому, что въ составъ ихъ поступаютъ люди не только всѣхъ сословій, но главное всѣхъ степеней и видовъ воспитанія, до полного отсутствія воспитанія включительно, совсѣмъ иной, чѣмъ духъ бывшихъ дворянскихъ офицеровъ.

Дворянинъ, поступавшій юнкеромъ въ гусары, долженъ былъ вложить въ полковой ящикъ 2 тысячи рублей ассигнаціями для покупки лошади парадера. Богатые бары помѣщики—производили парадеровъ, которыхъ обязательно было имѣть кавалерійскимъ офицерамъ.

Почти все дворянство,—говоритъ одинъ изъ современниковъ развитія коннозаводства въ Россіи—имѣло свои собственные заводы, а неимѣющіе могли покупать лошадей у своихъ собратіи. Коннозаводство было сильно распространено въ Орловской губ. Кромѣ огромныхъ заводовъ баръ и вельможъ нашихъ, почти каждый помѣщикъ имѣлъ при своей усадьбѣ конный заводъ, такъ какъ фуража, по неустройству путей сообщенія, сбывать было не куда. По выраженію одного стараго гусара, репутація кавалерійскаго офицера всегда зависитъ отъ скота. Кавалерія наша воспитывалась для парадовъ, но не для войны. Старики—кавалеристы рассказываютъ, что, блаженной памяти, корпусной командиръ Дмитрій Ерофѣевичъ Остенъ-Сакенъ, заставлялъ своихъ кирасиръ верхомъ на лошадяхъ танцовать французскую кадрили.

Денегъ было много, и бары—офицеры швыряли ихъ безъ счета, устраивали кутежи и пикники чуть ли не ежедневно. Особенно прославились на этотъ счетъ въ 20-хъ годахъ прошлаго вѣка офицеры Псковскаго кирасирскаго полка корнета В. П. Шенинъ, Т. М. Прозоркевичъ, П. И. Подлишевъ и кн. Матвѣй Вельгорскій; не отставали отъ нихъ и офицеры Гродненскаго гусарскаго полка*).

Появляясь въ Орлѣ, они вносили большое оживленіе, устраивали пикники, балы и . . . . самые циничные вечера, во время которыхъ каждая, взятая на прокатъ дама должна была явиться передъ кутилами и проплясать *патагонскій танецъ*, или пляску полуныныхъ одалисокъ.

*) Названный полкъ въ 1824 году переименованъ въ Клястицкій гусарскій, съ 1882 г. 18 драгунскій Клястицкій—съ Л. Гв. Гродненскимъ гусарскимъ общаго ни эго не имѣеть.

Вечеръ заканчивался чуднымъ ужиномъ, во время котораго милыя созданія кушали въ натуральныхъ костюмахъ и даже . . . . безъ фиговыхъ листиковъ.

Это называлось: „не уѣзжая изъ Орла, быть въ гостяхъ у дикарей“.

Афинскія ночи продолжались обыкновенно до слѣдующаго дня, т. е. до той минуты, когда дальнѣйшее бодрствованіе становилось физически невозможнымъ. Утромъ каждый спѣшилъ къ себѣ домой. Кто самъ кое-какъ доберется, кого доведутъ, а кого и донесутъ, подъ звуки похороннаго марша, исполненнаго полковыми трубачами. Кто провожаетъ покойнаго безъ колета (бѣлый кирасирскій мундиръ), кто въ колетѣ, да и то въ чужомъ, кто въ чужомъ доломанѣ, а кто и . . . съ чуднымъ яблочкомъ, но только не въ рукѣ, а на шишакѣ кирасирской каски. Нѣкоторые, по примѣру древнихъ, кончали битву на щитѣ или подъ щитомъ, т. е. на столѣ или подъ столомъ.

Говорятъ, что однажды, около 1820 года, Орловскій губернаторъ Соковницъ въ сопровожденіи губернскаго предводителя дворянства А. Г. Теплова и полковника Пековского кирасирскаго полка М. П. Бахтина (основателя Орловскаго корпуса) накрыли проказниковъ на мѣстѣ преступленія, захвативъ всю честную компанію во время одного изъ таковыхъ афинскихъ вечеровъ, когда ужинъ . . . . безъ листиковъ . . . . былъ въ полномъ разгарѣ.

Захватили и . . . . и сдѣлались послѣ того самыми ревностными посѣтителями пикантныхъ вечеровъ, поклонники и старины глубокой.

Ну, просто, рассказывалъ намъ Орловскій старожилъ Н. В. Функендорфъ, положительно небу становилось жарко на томъ мѣстѣ, недѣль которыхъ собиралась бывало кутнуть компанія офицеровъ и помѣщиковъ.

Въ былые годы, съ легкой руки Петербурга, Орловцы очень любили маскарады и костюмированные вечера. Въ началѣ 40-хъ годовъ маскарады бывали часто у Орловскаго губернатора А. В. Кочубея и его пріемника Н. М. Васильчикова; нѣсколько позднѣе, по инициативѣ Орловскаго губернскаго предводителя дворянства В. М. Тютчева; былъ устроенъ грандіозный костюмированный вечеръ въ собраніи Орловскаго дворянства. На этомъ вечерѣ гостей ожидалъ большой сюрпризъ. Поздно ночью распахнулись вдругъ двери собранія дворянства и въ кругъ танцовавшихъ вѣхали: верхомъ на живомъ медвѣдѣ фигура англичанина въ клетчатомъ костюмѣ, съ громаднымъ биноклемъ, за нимъ верхомъ на великолѣпныхъ живыхъ лошадяхъ медленно двигались Донъ-Кихоть и Санхо-Панчо. Суматоха поднялась страшная. И напугали и насмѣшили всѣхъ. Когда разговорились съ англичаниномъ, то онъ оказался княземъ Козловскимъ. Когда Донъ-Кихоть спѣшился и поднялъ забрало,—въ немъ узнали кирасирскаго ремонтера Юрасовскаго, въ Санхо-Панчо узнали Скарятина. Лошадей немедленно увели изъ зала; что же касается до медвѣдя, то ему въ зубы дана была корзина съ сюрпризами для дамъ, которые медвѣдь и разносилъ среди визга и смѣха аккуратнѣйшимъ образомъ.

Не мало также шума надѣлала свадьба гусара Барона Тизенгаузена, который, разведясь съ женою, выдалъ ее замужъ, былъ у нее на свадьбѣ шаферомъ и далъ ей въ приданое село Будоддино, въ Болховскомъ уѣздѣ.

Изобрѣтательность гусаръ достигла однажды до того, что они, по еявамъ Пыляева, устроили балъ въ въ квартирѣ командира полка и пригласили весь городъ. Чтобы избавиться отъ ревнивыхъ взоровъ маманекъ, папанекъ и тетушекъ, а также, чтобы имѣть болѣе

свободнаго пространства для танцевъ, придумано было слѣдующее: когда гости съѣхались и мамы чинно разсѣлись съ ридикюлями въ рукахъ по длиннымъ, обтянутымъ сукномъ, скамьямъ съ платформами, раздались страшный визгъ и крики: десятокъ дюжихъ гусаръ вздернули на блокахъ всѣхъ маменокъ на платформахъ къ потолку, гдѣ онѣ оставались во все время бала и только à vol d'oiseau могли наблюдать за танцующими. Въ старые годы не только что юный корнетъ проказничалъ, но были кавалеристы, которые не покидали шалости даже въ генеральскихъ чинахъ.

Не обходилось въ собраніяхъ и безъ куріозовъ.

Такъ въ 1856 г. въ Орловскомъ Дворянскомъ собраніи при большомъ стеченіи дворянъ состоялись выборы губернскаго предводителя В. В. Апраксина. Его очень любили, почему при объявленіи результата выборовъ залъ огласился аплодисментами.

Дворянство съ бокалами въ рукахъ спѣшило поздравить новоизбраннаго. За кавалерами потянулись съ поздравленіями и дамы. Кто-то изъ дворянъ началъ привѣтственную рѣчь, какъ вдругъ въ залъ начался сначала тихій, потомъ все болѣе и болѣе усиливавшійся смѣхъ.

Растерянный ораторъ остановился и обратилъ вниманіе на входную дверь собранія, куда все смотрѣли и откуда мѣрными шагами шла ливенская помѣщица Хрипунова только что приѣхавшая на перекладныхъ изъ Москвы. Не обращая никакого вниманія на смѣхъ, она подошла къ предводителю, сдѣлала ему „книксенъ“ и сѣла въ кресло.

Залъ затрещалъ отъ хохоту.

Дѣло въ томъ, что Орловцы впервые увидѣли невиданную до тѣхъ поръ въ Орлѣ моду. У Хрипуновой въ подолѣ юбки оказались защитными желѣзные обручи.

И когда она сѣла въ кресло и обручъ изъ горизонтальнаго положенія пришелъ въ вертикальное — захохотали всѣ безъ исключенія, хохотали такъ, что тряслись стекла въ окнахъ собранія.

Такъ встрѣтили Орловцы появленіе перваго кринолина.

Какъ ни потѣшались Орловцы надъ кринолиномъ, но дамамъ онъ понравился, они перехватили эту моду, стойчески выдержали эти насмѣшки и продолжали ходить по улицамъ Орла по образу и подобию 40 ведерныхъ бочекъ приблизительно вплоть до 1866 года.

Глава IV.

Послѣдователи гр. Аракчеева: Корнетъ Скар... и „Драчиха“ изъ подъ с. „Долгого“. Причуды помѣщицы Рагозиной. Любитель церемоній кн. Куракинъ. Каламбуристъ—эксцентрикъ Веревкинъ. Старуха Филатова. Генераль-папа и его пунктикъ. Дурачества Кологриваго. Странности гр. Чернышева.

Знаменитый графъ Аракчеевъ, о которомъ современники говорили только шопотомъ и передъ домою котораго, (нынѣ 3 петербургскій кадетскій корпусъ) проѣзжая мимо, всякій затаивалъ мысль и сдерживалъ дыханіе,—имѣлъ много послѣдователей.

Отставной лейбъ-гусарскій корнетъ Скар..., крупный Ливенскій помѣщикъ, перенесъ въ глухую деревню всѣ эскадронные порядки того безпощаднаго времени, вмѣстѣ съ экзекуціями, зуботычинами и затрещинами. Это былъ одинъ изъ тѣхъ типовъ золотой (въриѣе—позолоченой) молодежи „зашибленныхъ въ цвѣту“ потомковъ знатныхъ фамилій, задохшихся въ тяжелой атмосферѣ Аракчеевскаго гнета. Система наказаній у Скар... была чрезвычайно многосложна; наказаніямъ особенно часто подвергались красивыя дворовыя дѣвки.

Вмѣсто обычныхъ бурмистровъ, у него по деревнямъ сидѣли зубодробилы—вахмистры, знатоки и любители кнутобойнаго дѣла, до тонкости изучившіе это самое дѣло во время своей долголѣтней службы. Скар... всегда лично, въ своей красной фуражкѣ и съ длиннымъ чубукомъ, присутствовалъ при экзекуціяхъ и съ видомъ знатока поучалъ наказуемаго, въ то самое время, когда этотъ самый наказуемый благимъ матомъ вопилъ подъ розгами.

Подъ конецъ экзекуціи Скар... положительно терялъ самообладаніе, срывался съ мѣста и оралъ, какъ сумасшедшій: „пару, пару поддай! Вынь душу! Ого-го! Хорошо, хорошо!“

Говорять, съ этимъ самымъ Скар... въ это время случалось явленіе, крайне интересное для наблюденія врача, специалиста по половой психопатіи.

Были въ Орловской губерніи и свои „Салтычихи“, особенно много плодившія бѣглыхъ.

Первой изъ таковыхъ я назову Мценскую помѣщицу***, извѣстную болѣе подъ именемъ „Драчихи“, жившую здѣсь въ первой половинѣ минувшаго столѣтія (да, если пойти на откровенность, здравствующую и нынѣ), гдѣ-то около села Долгого.

Называть мегеру эту по имени я, конечно, не стану, чтобы гусей не раздражить; хотя эти гуси въ настоящее время и поѣдѣли, но они еще здравствуютъ и, время отъ времени, захлебываясь отъ восторга, трясясь отъ удовольствія, смакуя, рассказываютъ про былое, про то, какъ запарывали дѣвокъ на конюшняхъ до полусмерти.

Мегера эта обливала кипяткомъ ноги провинившихся цѣвушекъ и сама расправлялась по большей части съ виновными, въ случаяхъ же оособо важныхъ,

таковыя отправлялись для экзекуціи на конюшню, гдѣ и приглашали ихъ освободиться отъ излишнихъ покрововъ, которые могли-бы помѣшать воспріятію чувствительной порціи березовой каши, асептированной въ изобиліи щедрой Драчихой. Не проходило дня, чтобы она не наказывала кого-нибудь, а иногда и нѣсколькихъ. Наказаніе производили такъ: посылали она несчастнаго съ дворецкимъ на конюшню, гдѣ нещадно пороли жертву. А чтобы убѣдиться, что на конюшнѣ не мирволили и наказывали строго, каждая или каждый, возвратившійся оттуда, долженъ былъ явиться къ своей безчувственной госпожѣ и показать спину, вспухшую и исполосованную крѣпкими ударами палокъ. „Драчиха“ надѣвала очки и лично удостовѣрялась черезъ тщательный осмотръ.... хорошо ли выдрали. Наказанные, опасаясь, чтобы барыня не осталась недоволенною и не повторила бы наказанія, рѣзали куръ и кровью ихъ покрывали рубцы и тѣмъ, конечно, удовлетворяли жестокое, безчеловѣчное чувство своей властелинши. Проѣходилъ, такъ сказать инспекторскій смотръ, передъ мегерой. И Боже сохрани! если смотръ былъ неудовлетворителенъ. Виновнаго пороли вторично, не поусердствовавшій былъ также нещадно выдранъ, не оставался безъ вниманія и дворецкій.

Послѣ инспекторскаго смотра, наказанный выставлялся на позоръ, привязанный къ особому позорному столбу, посреди барскаго двора, и всякій допускался къ нему для укора и увѣщанія, при нарочномъ лакеѣ.

Сохранились о ней рассказы дворовыхъ людей такого рода: прикажетъ она, бывало, вынести кубанъ прокислаго молока и крикнетъ мальчишкамъ: „ей, вы,.... дѣти, жрите, лопайте, да смотрите, не подавитесь!“, а не то, зачастую, крикнетъ на весь дворъ такое слово,

что даже намъ, мужикамъ, говорятъ старожилы, стало-
вилось совѣстно слушать *).

Отличительною чертою ея характера были: неуступчи-
вость и отсутствіе всепрощенія. Какъ-то однажды въ
гостяхъ ее укусила за палець сидѣвшая съ нею на ди-
ванѣ комнатная собачка, она такъ этимъ возмутилась,
что въ жару отмщенія сама искусала собачку больше,
чѣмъ она ее, несмотря на всѣ протесты хозяйки дома,
защищавшей сначала гостью отъ собаки, а затѣмъ уже
принявшей сторону послѣдней.

— Слава Тебѣ, Матерь Божія! Какъ вышла воля,
такъ и плачь, да и свистъ розогъ на . . . . .скомъ дворѣ
прекратились*, — съ добродушнымъ смѣхомъ вспоминали
мнѣ окрестные обитатели, чуть не ежедневно насла-
ждавшіеся даровыми концертами.

Какъ-то въ разговорѣ съ пишущимъ эти строки,
старуха прямо, безъ всякихъ увертокъ, созналась, что
сѣкла тѣхъ, кто того заслуживалъ, и при этомъ выра-
зила непоколебимое убѣжденіе, что съ русскимъ мужи-

---

*) Вспоминается одна характерная легенда, показывающая привычку
русскаго челоѣка къ ругани. Царь Петръ задумалъ однажды отучить своихъ
подданныхъ отъ „крѣпкихъ словечекъ“ и съ этою цѣлью выслалъ на площади
„запленныхъ“ мастеровъ съ наказомъ—бить кнутомъ каждаго, выругавшагося
вехорошимъ словомъ. Идетъ мастеръ съ кнутомъ на площадь. Въ виновныхъ
противъ царскаго указа недостатка нѣтъ. Онъ беретъ перваго встрѣч-
наго и начинаетъ отсчитывать удары. Кругомъ собирается толпа народа.
Узнають за что деруть. Подивляются шутки, смѣхъ, подирѣляемые тѣми же
„крѣпкими“ словцами. „Запленный“ мастеръ отпускаетъ одного, берется за
другого, потомъ за третьяго и т. д. Шутки не умолкають. Виновные со смѣ-
хомъ ложатся подъ плети, со смѣхомъ выносятъ наказаніе и, выдержавъ его,
опять принимаются за прежнее. А запленный мастеръ дереть, дереть, 10—20
челоѣкъ, дереть сотню, другую.... Наконецъ, плеть его превращается въ
мочалку, руки устають, а число преступниковъ не уменьшается.... Увидѣвъ
онъ тогда, что если строго исполнять царскій указъ, то нужно передрать весь на-
родъ, отъ мала до велика. Идетъ къ царю, рассказываетъ все дѣло. И царь,
убѣдившись въ невозможности отучить русскихъ отъ брани, отмѣняетъ свой
указъ. Съ тѣхъ поръ,—прибавляетъ легенда,—брань да Русь стала еще больше,
и нѣтъ силъ запретить ее.

комъ никакія мѣры, кромѣ розогъ, невысмыслимы. Правда, по ея словамъ, она незадолго передъ волею и получила отъ губернскаго предводителя дворянства В. В. Апраксина внушеніе быть осмотрительнѣе при употребленіи этого педагогическаго средства, но воспользоваться этимъ внушеніемъ ей не удалось, такъ какъ въ самомъ непродолжительномъ времени, послѣ этого наступило знаменитое 19-ое февраля, не задолго до котораго, крестьяне, выведенные изъ терпѣнія, подстергли какъ-то свою госпожу подъ селомъ „Долгимъ“ и выпороли ее.

Въ Болховскомъ и въ Малоархангельскомъ уѣздахъ, проживала помѣщица старушка Рагозина, помѣшанная на всевозможныхъ придворныхъ церемоніяхъ. Залъ, въ которомъ она принимала своихъ знакомыхъ и „подданныхъ“ (какъ величали тогда своихъ крѣпостныхъ людей), представлялъ нѣчто до нелѣпости странное; это была большая комната въ два свѣта, расписанная въ видѣ роши, полъ которой изображалъ партеръ изъ цвѣтовъ; посрединѣ былъ устроенъ изъ зеркальных стеколъ прудъ, на которомъ плавали искусственные лебеди; по дорожкамъ стояли алебастровыя фигуры боговъ и богинь древней Греціи.

Клумбы изъ искусственныхъ цвѣтовъ во время выходовъ помѣщицы напрыскивались о-де-колономъ и „альпійской водой“. На большихъ деревьяхъ, тамъ и сямъ поставленныхъ, порхали снѣгири, синицы и другія пѣвчія птицы. Сама помѣщица сидѣла на золотомъ тронѣ, въ ногахъ ея стояли и лежали пажи и арабчики.

Каждое воскресенье и двенадесятые праздники здѣсь происходили приемы послѣ обѣдни; первымъ являлся сельскій священникъ съ причтомъ, о. діаконь несъ торжественно на серебряномъ блюдѣ большую

просфору. Несмотря на то, что церковь от усадьбы была въ разстояніи полуверсты, помѣщица къ обѣдни ѣздила всегда со свитой не менѣе, какъ въ пятьдесятъ человѣкъ. Кромѣ господскаго, экипажей въ поѣздѣ было не менѣе десяти; сама владѣлица ѣхала въ громадной откидной колымагѣ, называемой „лондомъ“, запряженнымъ восьмерикомъ. Кучеръ сидѣлъ такъ высоко, что былъ на уровнѣ съ коньками крестьянскихъ избъ. Второй экипажъ былъ дормезъ, запряженный четверкой, третій—четырёхмѣстная коляска въ шесть лошадей, потомъ коляска двухмѣстная, потомъ крытая дрожки, потомъ двѣ польскія брички; наконецъ, двѣ-три линейки и нѣсколько кожаныхъ кибитокъ. Барыня была жена генерала, любила почетъ и уваженіе. Торжественныя приемы ея, какъ говорили, доходили до Петербурга, но имъ только посмѣивались; такихъ помѣщицъ и помѣщиковъ было тогда не мало.

Въ Орловской губерніи, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ уѣзднаго города Малоархангельска, существуетъ большое село, князей Куракиныхъ. Тамъ, на обширномъ дворѣ, въ виду сельскаго храма, виднѣется небольшое кладбище, обросшее пирамидальными тополями. Кладбище это переноситъ насъ къ бывшимъ барскимъ причудамъ одного изъ владѣльцевъ, былого времени. Тамъ между нѣсколькими уцѣлѣвшими весьма недурными каменными мавзолеями еще въ шестидесятыхъ годахъ можно было отыскать нѣсколько съ особами пышной дворни князя К. Въ одной могилѣ похоронена „дѣвица Евпрасія, служившая до конца дней своихъ при дворѣ его сіятельства камеръ-юнгферой“, на другой могилѣ написано, что „въ ней покоится Сенька Триангилянновъ, бывший въ рангѣ полицмейстера въ придворномъ штатѣ его сіятельства“, далѣе находимъ

„Стремянной Такимъ Безупречный, пролившій кровь за своего властелина 9-го октября 1819 года“ и т. д.

Что только ни происходило при жизни этого гордаго вельможи! Окруженный многочисленной дворней, онъ, какъ и братъ его, разыгрывалъ при ней роль нѣмецкаго принца и мечталъ, что онъ въ своемъ владѣльческомъ княжествѣ. Онъ давалъ такіе обѣды, за которыми какъ хозяинъ, такъ и гости бывали такъ пьяны, что не могли ни дверей сыскать, ни безъ помощи слуги сѣсть въ свою карету. Это называлось на языкѣ князя „des dîners à huis clos“. Онъ принималъ прѣзжихъ гостей обыкновенно у себя въ спальнѣ, когда ему мылили бороду; по сторонамъ его стояли шуты въ золоченыхъ камзолахъ. Гордость князя граничила до смѣшного: онъ расчиталъ своего стараго домоваго доктора за то только, что тотъ осмѣлился ночью, во время приступа болѣзни князя, явиться не во фракѣ. Кто, впрочемъ, въ былые годы не доходилъ до сумасбродства въ деревнѣ, чтобы показать себя своимъ вассаламъ и чинить тамъ судъ и расправу?!

При дворѣ князя соблюдался самый строгій этикетъ и нерѣдко даже родная его дочь дожидалась выхода князя по пяти и болѣе дней. Дочь его была замужемъ за графомъ Зотовымъ; она выведена въ романѣ „Война и миръ“. Роскошный деревенскій домъ князя Куракина былъ въ пятьдесятъ комнатъ, съ залами въ два свѣта, галлереей въ помпейскомъ стилѣ и со всѣми затѣями былого барства.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ эта диковинка конца XVIII вѣка была въ недѣлю сломана какимъ-то молодымъ управляющимъ; одного желѣза было продано изъ него болѣе, чѣмъ десятокъ тысячъ пудовъ, и мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, было распахано на конопляникъ.

Золотыя кареты и разные портфезы были тоже уничтожены тѣмъ же управляющимъ какъ ненужныя вещи, занимающія только мѣсто въ сараяхъ.

М. И. Веревкинъ состоя на службѣ въ Петербургѣ, сравнительно рѣдко являлся въ Орловскую губернію, гдѣ у него было значительное имѣніе, но какъ только онъ пріѣзжалъ, то приходящая его наполнялась присланными съ приглашеніями на вечеръ или обѣдъ и, какъ нынѣ васъ, подѣ часъ, приглашаютъ въ ложу „на Шалыпина“ или „на Вяльцеву“, такъ во времена былыя хозяева свывали гостей „на Веревкина“.

Отправляясь на обѣдъ или вечеръ, онъ, говорятъ, спрашивалъ своихъ товарищей: „Какъ хотите, заставить-ли миѣ сегодня слушателей плакать или смѣяться?“ И съ общаго назначенія, то приводилъ гостей въ слезы, то они надрывали животики отъ смѣху, а разъ даже былъ случай—помѣщицу Тинькову послѣ разсказа вынесли изъ зала въ истерикѣ.

Едва только Веревкинъ являлся на улицѣ, около него сейчасъ же собирались собутыльники: кн. Козловскій, Меньшиковы, Мухортовы, Мацневы, Подлинцевъ. Шеншинны и направлялись въ ресторанъ или просто гулять. Веревкинъ идетъ и сыплеть остроты, каламбуры, шутить, балагурить, вретъ. Зайдетъ Веревкинъ въ ресторанъ, туда сейчасъ вваливается масса публики. Всѣ спрашиваютъ, заказываютъ, ѣдятъ, пьютъ, расплачиваются, влѣзаютъ на стулья, столы, на окна, всѣ слѣдятъ за малѣйшимъ движеніемъ Веревкина, слушаютъ со вниманіемъ, съ благоговѣніемъ, боясь пропустить хоть единое слово. А Веревкинъ ѣсть, пьетъ и разговариваетъ съ толпою; рассказываетъ о своихъ любовныхъ похожденияхъ, отвѣчаетъ, спрашиваетъ и при этомъ вретъ.... безъ конца вретъ и всѣ знаютъ, всѣ

отлично понимаютъ, что все, что только сказалъ Веревкинъ—плодъ его очень пылкой фантазiи, но никто не тронется съ мѣста пока самъ Веревкинъ не двинется къ выходу и всѣ покатываются со смѣху, всѣ веселы и счастливы.

И владѣлецъ ресторана, получивъ большой барышъ, провожаетъ Веревкина чуть ли не земнымъ поклономъ, отворяетъ передъ нимъ дверь, умоляетъ заходить почаще.

Никто никогда не видалъ Веревкина грустнымъ, задумчивымъ

Встрѣчу съ Веревкинымъ въ гостяхъ, въ собранiи, въ театрѣ—считали счастливымъ и завиднымъ случаемъ.

Въ началѣ пятидесятихъ годовъ, а то и сороковыхъ, пожалуй, въ Болховскомъ уѣздѣ было имѣнiе богатой помѣщицы Филатовой. Остатки этого имѣнiя уцѣлѣли и до сихъ поръ, въ видѣ на половину вырубленнаго парка, большого пруда съ островками и развалинъ барскаго дома. Принадлежитъ оно нынѣ какому-то купцу и отдается въ аренду мужикамъ, а развалины барскаго дома и паркъ служатъ обиталищемъ совъ и воронъ.

Филатова имѣла удивительную способность корчить гримасы.

— Боже! Вотъ уродъ-то, говорили обыкновенно прохожіе, глядя на Филатову, которая смѣшить и забавлять всѣхъ считала своею обязанностью, своимъ призваніемъ, святымъ долгомъ.

Въ особенности боялись этихъ гримасъ беременныя дамы, чтобы не скинуть, или, что еще того хуже, не родить урода.

Какъ-то Орелъ посѣтилъ Государь Александръ Николаевичъ. Проходя около дворянскаго собранія онъ ахнулъ, увидя какую-то даму.

— Скажите, что это за уродъ? Обратился Государь къ кому-то.

— Болховская помѣщица Филатова! былъ отвѣтъ. На это Государь закрылъ лицо платкомъ и разразился неудержимымъ хохотомъ.

— Я никогда, нигдѣ не видалъ подобнаго таланта, подобной мимики, рассказывалъ намъ Орловскій старожилъ А. В. Мацневъ.—и могу положительно сказать, что въ лицѣ Филатовой погибъ крупный талантъ комической старухи.

Филатова была желаннымъ гостемъ всюду. „На нее“ приглашали гостей, ея пребываніемъ у себя хвастались.

Въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія на Орловскихъ улицахъ можно было встрѣтить фигуру задумчиваго отставнаго генерала, въ красныхъ генеральскихъ брюкахъ, съ турецкою фескою на головѣ.

Генераль этотъ никогда въ бояхъ не бывалъ и, какъ гласитъ формуляръ его, раненъ и контуженъ не былъ. Но съ годами у него начали появляться положительные признаки умопомѣшательства,—главнымъ пунктомъ котораго было воображать себя турецкимъ пашей.... Что подѣлаешь, говорили Орловцы: какъ у всякаго барона своя фантазія, такъ и у всякаго человѣка есть свой пунктикъ.

Какъ и надлежитъ пашѣ, генераль очень любилъ прекрасную половину рода человѣческаго, но только.... изъ этой половины выбиралъ антики—экземпляры вовсе не прекрасные, онъ любилъ уличныхъ дѣвокъ въ рубицѣ, которыхъ и одаривалъ очень щедро, въ силу чего генераль этотъ былъ почти постоянно окруженъ погибшими созданіями самаго низшаго сорта.

Говорять, находились искательницы приключеній, которыя нарочно одѣвались въ рубище и надѣвались надъ превосходительнымъ ловеласомъ.

Педъ пьяную руку генераль былъ очень неразборчивъ и вдавался во всякія крайности, съ цинизмомъ говоря: „что, если каждый день все телятина, да телятина, такъ захочется и баранины!“ Да кромѣ того ради курьезу слѣдуетъ всего попробовать! И въ пробахъ своихъ генераль былъ небрезгливъ до крайности.

Въ обществѣ генераль держалъ себя прилично, хотя никогда не снималъ съ головы фески, но, такъ какъ въ прежнее время ни одинъ порядочный завтракъ или обѣдъ не обходился безъ генерала, то звали и генерала—пашу,—пока, однажды, во время ужина у Орловскаго губернатора генераль—паша не вообразилъ себя въ гаремѣ.

Послѣ этого вечера генераль не приходилъ уже въ себя и только бредилъ гаремами, обставленными восточною роскошью.

Въ Петербургѣ въ двадцатыхъ годахъ проживалъ крупный Орловскій землевладѣлецъ *Д. М. Кологривовъ*. Онъ, несмотря на свой крупный чинъ и весьма важное званіе, любилъ дурачиться, какъ школьникъ. Особенною страстью у Кологривова была страсть къ уличнымъ маскарадамъ, послѣдняя доходила до того, что онъ иногда наряжался старою нищею-чухонкою и мель тротуары. Завидѣвъ знакомаго, онъ тотчасъ кидался къ нему, требовалъ милостыню и въ случаѣ отказа брочилъ по-чухонски и даже грозилъ метлою. Онъ дошелъ до того, что становился въ Казанскомъ соборѣ среди нищихъ и заводилъ съ ними ссоры. Сварливую чухонку отвели даже на Сѣзжую, гдѣ она сбросила свой нарядъ и передъ ней же извинилась.

Графъ Соллогубъ про него разсказываетъ: однажды государь готовился осматривать кавалерійскій полкъ, вдругъ, передъ развернутымъ фронтомъ пронеслась маршъ-маршемъ неожиданная кавалькада. Впереди скакала во весь опоръ необыкновенно толстая дама, въ зеленой амазонкѣ и шляпѣ съ перьями. Рядомъ съ ней на рысяхъ разсыпался въ любезностяхъ отчаянный щеголь. За ними еще слѣдовала небольшая свита. Неумѣстный маскарадъ былъ тотчасъ же остановленъ. Дамой нарядился тучный князь Θ . С. Голицынъ любезнымъ кавалеромъ оказался Кологривовъ. Шалунамъ былъ объявленъ выговоръ, но карьера ихъ не пострадала.

Однажды къ извѣстной благотворительницѣ Тат. Бор. Потемкиной пришли двѣ монахини просить подавнїя. Монахини были немедленно впущены, войдя въ приемную, онѣ кинулись на полъ, творили поклоны и умоляли о подавнїи. Растроганная Потемкина пошла въ спальню за деньгами, но вернувшись, остолбенѣла отъ ужаса, монашенки неистово плясали въ присядку. То были Кологривовъ и другой проказникъ.

Въ 70 верстахъ отъ Орла, въ 12 в. отъ ст. Александровка М.-К. ж. д. расположено чудное имѣнїе графа Чернышева Тагинь.

Графъ, занимаясь изъ всего огромнаго своего хозяйства однимъ коннымъ заводомъ, состоявшимъ болѣе чѣмъ изъ 400 головъ замѣчательныхъ лошадей, въ особенности по статямъ ихъ, и содержавшимся въ отличномъ порядкѣ, былъ человекъ весьма мягкій, любившїй общество и его развлеченїя, былъ не безъ причудъ, и одною изъ его странностей была страсть къ разнымъ родамъ сюрпризовъ, и, если не каждый день, то по воскресеньямъ или по праздникамъ, всегда находили въ домѣ что-нибудь необыкновенное.

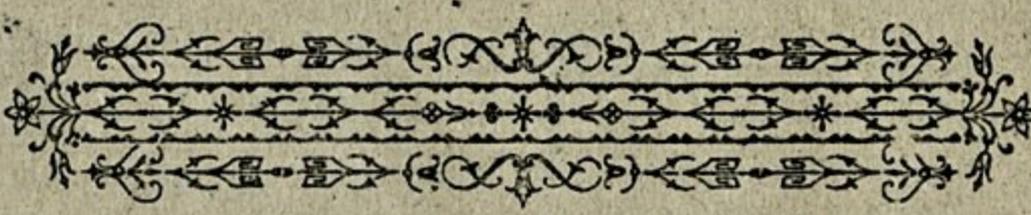
Однажды утромъ 1819 году, въ Гагино наѣхали гости: генеральша Квашнина-Самарина, кн. Куракинъ съ семьею, Мухортовы, Меньшиковы, Шеншины, Бырдины, Бахтинъ, Офросимовы, фрейлина Барыкова и мн. др.

Гости отправились гулять въ графскій садъ, куда имѣли обыкновеніе ходить ежедневно, передъ обѣдомъ, и здѣсь увидали на довольно дальнемъ разстояніи отъ дома деревенскую хижину, покрытую берестой; гостей удивила вывѣска, на которой были изображены три красавицы, въ самыхъ соблазнительно-красивыхъ позахъ и надъ ними надпись: *Aux bons gourmands!* Натурально, что это возбудило любопытство и гости вошли въ „ресторанъ“. Но каково же было ихъ удивленіе, когда имъ представился прислужникъ въ бланжевой курткѣ и панталонахъ, въ фартукѣ, съ колпакомъ на головѣ, держащій въ рукахъ карту кушаньевъ—самъ графъ, едва узнаваемый въ этомъ нарядѣ. Онъ тотчасъ предложилъ гостямъ выбрать, какія кто пожелаетъ блюда, вина, сигаръ, табаку и всякихъ прохладительныхъ напитковъ. Самъ вынесъ маленькій столикъ на воздухъ и прислуживалъ, какъ самый исправный служитель. Явясъ къ обѣду, разумѣется, всѣ рассказали, чему много смѣялись, и графъ объ одномъ только просилъ—ежедневно посѣщать его трактиръ, но не болѣе трехъ лицъ разомъ, чувствуя себя не настолько расторопнымъ и ловкимъ, чтобы исправно услужить болѣе многочисленнымъ посѣтителямъ.

Въ другой разъ, послѣ обѣда, говоритъ Жиркевичъ, отправились въ лѣсъ для прогулки и графиня приказала, чтобы къ возвращенію нашему, часа черезъ два, былъ бы приготовленъ чай на балконѣ, рассчитывая вернуться немного ранѣе домой для нѣкоторыхъ хозяйственныхъ ванятій. Въѣхавъ въ лѣсъ на длинной долгушѣ, въ которой могло легко помѣститься до 18-ти человекъ, мы шагомъ подавались впередъ, наслаждаясь вечерней

прохладой и весело разговаривая между собой; графъ былъ съ нами. Едва мы выѣхали на довольно большую поляну, какъ насъ поразило неожиданное зрѣлище. Посреди поляны возвышалась большая, изящно убранная палатка, вся въ зелени и цвѣтахъ, взятыхъ изъ графскихъ оранжерей, обвѣшанная вся разноцвѣтными фонариками. Въ палаткѣ и кругомъ ея виднѣлось много народу, который съ криками привѣтствовалъ наше появленіе. Подѣхавъ ближе, мы встрѣчены были музыкой и знакомыми сосѣдями, пріѣхавшими по настоятельной просьбѣ графа, въ самыхъ простыхъ домашнихъ костюмахъ, не въ домъ, а прямо къ шатру, куда графъ объявилъ, что къ такому-то часу привезетъ свое семейство, которому онъ хотѣлъ сдѣлать сюрпризъ, устройвъ неожиданный пикникъ. Въ лѣсу были разбиты другія небольшія палатки для играющихъ въ карты, для куренья, а въ прочихъ разливали чай и стояли фрукты и разные прохладительные напитки, а изъ самой большой палатки раздавался непрерывный стукъ ножей, возвѣщавшихъ, что возбужденный желудокъ гостей, чистымъ воздухомъ и моціономъ танцевъ, въ скорости получить вождельнное удовлетвореніе. Лошади и люди пріѣзжихъ размѣщались у устроенныхъ для сего конюшарей, тоже въ лѣсу, около которыхъ горѣли громадныя костры. Вся эта продѣлка графа такъ была имъ устроена скоро и тайно, что, кромѣ его и управляющаго, имъ посвященнаго для приведенія въ исполненіе нѣкоторыхъ его распоряженій, никто въ домъ до послѣдней минуты и не подозрѣвалъ. Нечего и говорить, какъ всѣ веселились на этомъ импровизированномъ вечерѣ и только, когда солнце поднялось уже высоко, рѣшились покончить танцы и разѣхаться по домамъ, благодаря отъ души милаго графа за доставленное всѣмъ удовольствіе.

Глава V.

Экцентричность Мценской помѣщицы Варвары Петровны Тургеневой, ея жизнь и причуды. Изученіе И. С. Тургеневымъ „лягушечьяго“ греческаго языка. Пристрастіе Тургеневой къ французскому языку. Управшванія Ивана Сергѣевича бросить литературное поприще—не заниматься этимъ „не дворянскимъ дѣломъ“. Публичная исповѣдь Тургеневой, ея мнимая смерть, обрядъ рукоцѣлованія при прощаніи и кара тѣхъ, которые явились прощаться подъ хмѣлькомъ. Приказъ отмѣнять празднованіе дня Свѣтлаго Воскресенія.

Большими странностями, почти каррикатурною эксцентричностью отличалась также мать Орловскаго уроженца безсмертнаго Ивана Сергѣевича, Варвара Петровна Тургенева. Разказы о ней, перешедшіе уже въ область легендъ, передаются то тутъ, то тамъ въ Орловской губерніи; нѣкоторые разказы сдѣлались уже достояніемъ литературы, другіе ждутъ своей очереди.

В. П. Тургенева обладала въ одной Орловской губ. состояніемъ равнымъ, по тогдашнему счету силѣ 5.000 душъ крѣпостныхъ работниковъ. Это была женщина далеко недюжинная и по-своему образованная: она говорила большею частью, молилась и вела свой дневникъ по-французски.

Никто не могъ равняться съ нею въ искусствѣ унижать, оскорблять, сдѣлать челоуѣка несчастнымъ, сохраняя ~~опекой~~ и свое достоинство.

Въ Вѣстникѣ Европы помѣщены „Воспоминанія о семьѣ Ив. С. Тургенева“. Авторъ этихъ „Воспоминаній“, г-жа Житова, была воспитанницей матери Тургенева. Главною героиней „Воспоминаній“ является именно Варвара Петровна Тургенева: на ней г-жа Житова сосредоточиваетъ все свое вниманіе и вниманіе читателей, и фигура матери покойнаго писателя выходитъ во весь ростъ, со всѣми ея типическими чертами. Фигура эта подѣ перомъ г-жи Житовой рисуется до того рельефной и живой, что Варвара Петровна, помимо интереса ея въ качествѣ особы, породившей автора „Записокъ Охотника“, является интересной въ другомъ, болѣе общемъ, отношеніи: въ ней мы видимъ образъ барыни-крѣпостницы, необыкновенно характерный.

Варвара Петровна происходила изъ семьи Лутвиновыхъ, по свидѣтельству г-жи Житовой, носившей въ себѣ закваску „необузданнаго барства“, самодурства, самоуправства, удалства и властолюбія. Тургеневъ нарисовалъ нѣкоторыхъ изъ представителей своихъ дѣдовъ съ материнской стороны въ повѣсти „Три портрета“ и въ рассказѣ „Одюдворецъ Овсянниковъ“.

Въ селѣ Холодовѣ Кромскаго уѣзда въ имѣніи И. С. Тургенева еще В. Житова видѣла то кресло, на которомъ скончалась бабка Ивана Сергѣевича.—Катерина Ивановна Сомова. Въ рассказѣ „Смерть“ (Записки Охотника) описаны ея послѣднія минуты, когда она сама заплатила священнику за свою отходную.

Кресло это, по наведеннымъ нами справкамъ потомъ перевезено было въ с. „Долгое“ Мценскаго уѣзда въ имѣніе Н. С. Тургенева.

Въ Варварѣ Петровнѣ сли врожденныя свойства ея рода, къ несчастію, усиленныя еще тяжелыми условіями первоначальныхъ лѣтъ ея жизни. „Ея эгоизмъ, властолюбіе, подчасъ и злоба, развились вслѣдствіе жесто-

каго и унижительнаго обращенія съ нею въ дѣтствѣ и юности и подѣ влияніемъ горькихъ разочарованій въ старости.

Все дѣтство Варвары Петровны было рядомъ униженій и оскорбленій; были случаи даже жестокаго обращенія. Я слышала говорить В. Житова въ своихъ воспоминаніяхъ нѣкоторыя подробности, но рука откачивается повторять всѣ ужасы, которымъ подвергалась она. Сомовъ, ея вотчимъ, ее ненавидѣлъ, заставлялъ въ дѣтствѣ подчиняться своимъ капризамъ и капризамъ своихъ дочерей, билъ ее, всячески унижалъ и, послѣ обильнаго употребленія „ерофеича“ и мятной сладкой водки, на Варварѣ Петровнѣ срывалъ свой буйный хмѣль. Когда же ей минуло 16 лѣтъ, онъ началъ преслѣдовать ее иначе: это былъ человѣкъ карамазовскаго (стараго) пошиба. Во избѣжаніе самаго унижительнаго наказанія за несогласіе на позоръ, Варварѣ Петровнѣ удалось, съ помощью преданной няни, бѣжать изъ дома вотчима*. Бѣжала она къ своему дядѣ И. И. Лутовинову, богатому помѣщику, владѣльцу того самого села Спасскаго-Лутовинова, которое перешло отъ матери къ И. С. Тургеневу и въ которомъ написано имъ столько вещей, составляющихъ гордость и славу русской литературы. До тридцати лѣтъ жила Варвара Петровна у пріютившаго ее дяди; онъ обращался съ нею хорошо, но былъ человѣкъ очень суровый, скупой и держалъ въ ежевыхъ рукавицахъ племянницу, спасенную имъ отъ развратныхъ и дикихъ покушеній ея вотчима. Смерть дяди освободила Варвару Петровну отъ рабской зависимости и сдѣлала ее богатой наслѣдницей его имѣній. Она успѣшила воспользоваться свободой и думала наверстать бѣдствія дѣтскихъ и юныхъ лѣтъ счастьемъ жизни въ зрѣлыя годы, выйдя замужъ за молодого красавца, отца Тургенева. Но красавецъ, ко-

нечно, женился на богатой, уже перезрѣлой, да къ тому же еще и некрасивой дѣвѣ изъ-за ея состоянія, не любилъ ее и дѣлалъ ей постоянныя „измѣны“, о которыхъ она знала. Всѣ изложенныя тяжелыя обстоятельства жизни Варвары Петровны, при ея врожденномъ „лутовинскомъ“ складѣ, конечно, не могли выработать душевной мягкости и доброты, а напротивъ, отразились на ея характерѣ самымъ грустнымъ образомъ. „Тѣмъ, кто ее любилъ“, говоритъ г-жа Житова, кто былъ преданъ ей, доставалось горше всѣхъ. Можно было думать, что она хотѣла выместить свое несчастное дѣтство, свою подавленную подъ гнетомъ семейной обстановки молодость и дать другимъ испытать тѣ же страданія, какія сама испытала“.

Все это постоянно мучило Ивана Сергѣевича, — и мучило его главнымъ образомъ сознаніе того, что измѣнить онъ ничего не можетъ, и всякое его вмѣшательство или заступничество приведуть еще къ худшему.

Приживалокъ у Варвары Петровны никогда не было. Да она и не принадлежала къ числу тѣхъ барынь, которыя могли довольствоваться подобострастіемъ людей, обязанныхъ ей кускомъ хлѣба. Ея властолюбіе и требованіе поклоненія ей простирались не на одну ея семью и не на одинъ ея крѣпостной людъ; она властвовала надъ всѣмъ, что окружало ее и входило въ какія либо сношенія съ нею, и при этомъ она обнаруживала въ себѣ ту рѣдкую и часто непонятную нравственную силу, покоряющую себѣ даже людей, не обязанныхъ ей подчиняться... Иногда достаточно было ея взгляда, чтобы на полуслѣхъ остановить говорящаго при ней то, что ей не угодно было слушать. При ней своего мнѣнія, несогласнаго съ ея, никто и высказать не смѣлъ. Одинъ только Иванъ Сергѣевичъ, ея люби-

мецъ, и то въ самыхъ мягкихъ почтительныхъ выраженіяхъ, скорѣе съ мольбой, чѣмъ съ осужденіемъ, высказывалъ ей свои желанія и соболѣзнованія.

Гнетъ крѣпостного права, въ особенности тяготѣвшій въ домѣ его матери, скорбно отзывался въ душѣ, столь извѣстнаго по добротѣ своей, Ивана Сергѣевича, и ему было тѣмъ тяжелѣе, что бороться онъ отнюдь не могъ. Доброта его, однако, иногда и безъ всякой борьбы подчиняла волю даже и Варвары Петровны. При немъ мать не только не измышляла какой-нибудь вины за кѣмъ-либо, но даже и къ настоящей винѣ относилась снисходительнѣе; она добродушествовала какъ бы ради того, чтобы замѣтить выраженіе удовольствія на лицѣ сына. И какой это былъ нѣжный и любящій сынъ.

Одно время Иванъ Сергѣевичъ почему-то усиленно занимался греческимъ языкомъ. Каждое послѣ объѣда кто-то приходилъ къ нему и, къ великому моему огорченію, говорить В. Житова, въ эти часы входъ въ его комнату мнѣ воспрещался; я только за дверью слышала какіе-то непонятные звуки, выдѣлываемые то голосомъ Ивана Сергѣевича, то голосомъ его учителя или товарища. Но въ изученіи Аристофана и мнѣ пришлось принять участіе. Однажды онъ вздумалъ научить меня *лягушечьему греческому языку* (какъ оцъ самъ выражался). Познанія мои заключались въ томъ, что онъ заставилъ меня заучить слѣдующіе звуки: „Бре-ке-ке-кексъ-коаксъ-коаксъ!“ *) Получивъ эти свѣденія изъ quasi-греческаго языка, я была ставлена имъ на столъ, причемъ онъ придавалъ мнѣ какую-то, вѣроятно, классическую позу, съ весмъ вытянутой рукой, и заставлялъ меня повторять заученное сначала протяжно, почти торжественно,

*) Благодаря знакомому мнѣ классику, я убѣдилась, что память мнѣ не изменила ниско. ко. Звуки, которыми мы такъ забавлялись съ И. С., повторяются въ комедіи Аристофана „Лягушки“.

а потомъ очень быстро и самымъ тонкимъ, визгливымъ голосомъ; при этомъ мы оба заливались такимъ громкимъ смѣхомъ, что представленіе наше часто обращало на себя вниманіе Варвары Петровны, выходившей насъ унимать: „Finissez donc, Jean, vous gâtez la petite, vous en egez un virago!“ Иногда же, въ моментъ нашихъ самыхъ шумныхъ увлеченій при представленіи, выходила насъ укрощать главная камеръ-фрейлина маман. Входила эта особа неслышною поступью, но строго и внушительно произносила: „Маменька приказала вамъ перестать!“ Мы умолкали и, въ мое утѣшеніе, Иванъ Сергѣевичъ сажалъ меня къ себѣ на плечо и торжественно носилъ меня по комнатѣ.

Все это происходило въ то время, когда Иванъ Сергѣевичъ былъ совсѣмъ юноша; тогда онъ еще смѣялся тѣмъ беззаботнымъ, раскатистымъ, заразительнымъ смѣхомъ счастливаго человѣка, и смѣхъ его былъ иногда такъ громокъ, что мать весьма серьезно и строго останавливала его: „Mais cessez donc, Jean, c'est même mauvais genre de rire ainsi. Qu'est-ce que ce rire bourgeois!“ *).

Штатъ личной домовой прислуги Варвары Петровны былъ многочисленный, человѣкъ сорокъ; былъ дворецкій, буфетчикъ, камердинеръ, конторщики, кассиръ, повѣренный по дѣламъ, были и мальчики—но не „казачки“ и безъ сердець на груди. Обязанность ихъ состояла въ томъ, что они стояли по дежурству у двери и передавали приказаніе барыни, или были посылаемы позвать кого-нибудь. Изъ женской прислуги одна только ея главная горничная носила названіе *фрейлины* или *камерфрейлины* госпожи; но это было въ то время весьма обыкновенное названіе; у всѣхъ помѣщицъ главная горничная называлась такъ; остальные были: кастелянши, прачки, швеи, портнихи, пяличницы и просто *двушки*.

*) „Перестань же, Иванъ, даже неприлично такъ хохотать! Что за мѣщанскій смѣхъ!“

Вся ея прислуга, окружавшая ее, должна была быть грамотною, и одну даже дѣвочку, учили по-французски, а именно: списывать съ книги, потому что Варвара Петровна, читавшая только французскіе романы, любила дѣлать изъ нихъ выписки. Для этого собственно учили дѣвочку французскому чтенію и письму—и она должна была выписывать изъ книгъ мѣста, отмѣченныя карандашомъ Варвары Петровны.

Въ домѣ Варвара Петровна любила полную тишину почему горничная старалась неслышно отворять шкафы и отодвигать ящики комодовъ, изъ которыхъ она вынимала платья и бѣлье, и чтобы не загремѣть ключами, закрывала ихъ въ носовой платокъ и весьма осторожно поворачивала ими въ замкахъ, потому что Варвару Петровну, когда она бывала разстроена или больна, всякій стукъ особенно раздражалъ. Въ такихъ случаяхъ она обыкновенно грозно произносила:

— Я слышу ключи!

Или: Я слышу тарелки или ложки! И тогда все замирало. Люди (т.-е. прислуга), двигались какъ тѣни.

У Варвары Петровны не было ни одного становаго. Пріѣзжали они по дѣлу—но только въ контору, при этомъ предварительно за версту или за полторы отвязывали колокольчикъ, чтобы не обезпокоить Варвару Петровну. Въ аристократическомъ домѣ ея для становаго мѣста не было. Конечно, разумѣются становые того времени, т.-е. становые времени „Мертвыхъ Душъ“ и „Губернскихъ Очерковъ“. Съ колокольчикомъ подѣзжалъ къ самому дому только мценскій исправникъ Шп-скій, котораго Варвара Петровна очень любила; уѣздный лекаръ Петръ Александровичъ Соколовъ подѣзжалъ съ колокольчикомъ къ флигелю, потому что считался чиномъ ниже исправника, и уже изъ флигеля приходилъ въ домъ.

Въ домѣ и въ образѣ жизни Барвары Петровны соблюдался строгій порядокъ, все распредѣлялось по часамъ. Даже голуби, которыхъ она кормила и въ Спасскомъ, и въ Москвѣ, и тѣ знали свой часъ; въ 12 часовъ дня раздавался колокольчикъ, и они слетались получить свою порцію овса.

Барвара Петровна очень любила птицъ, но не куръ и вообще не дворовую птицу — эти пернатые имѣли свой птичій дворъ и довольно далеко отъ дома, чтобы своимъ кудахтаніемъ и гоготаніемъ не беспокоить ее. Птицъ — канареекъ, чижей, щегловъ и попугаевъ *inséparables* держала она въ домѣ въ изящныхъ клеткахъ.

По-русски говорила она только съ прислугой, въ домѣ же читали, писали, говорили, думали и даже молились на французскомъ языкѣ.

Утро мое начиналось съ того, что я должна была, говорить г. Житова, едва открывъ глаза, громко произнести слѣдующую молитву: „Seigneur, donnez-moi la force pour résister, la patience pour souffrir, et la constance pour persévérer“. Эти безмысленно, машинально тогда мною повторяемыя слова были какъ бы предреченіемъ къ моей жизни. Много понадобилось мнѣ *force, patience* и *constance pour persévérer*.

Кромѣ того я должна была каждое утро прочитывать громко главу изъ „*Imitation de Jésus-Christ*“, Томма Кемпійскаго, и когда я была въ разлукѣ съ Барварой Петровной, она въ письмахъ своихъ постоянно приказывала мнѣ читать всякій день эту книгу.

Насколько французскій языкъ и молитвы были у насъ въ употребленіи, что, когда мы говѣли, то послѣ „правиль“, читанныхъ намъ священникомъ на дому, я читала еще молитвы передъ св. причащеніемъ на французскомъ языкѣ.

Замѣчательная черта была въ характерѣ Варвары Петровны; лишь только она замѣчала въ комъ-нибудь изъ прислугъ нѣкоторую самостоятельность, признаковъ самолюбія, или сознаніе своей полезности, она всячески старалась того унижить или оскорбить, и, если, несмотря на это, тотъ, на кого направлялись ея преслѣдованія, смиренно ихъ выносилъ, то опять попадалъ въ милость; если же нѣтъ, то горько доставалось за непокорность.

Въ домѣ было даже техническое названіе для такого рода испытаній, говорили; „барыня теперь придирается къ Ивану Васильевичу“; или: „это было тогда, когда барыня придиралась къ Семену Петровичу“; или: „а вотъ увидите, станетъ ужъ барыня придираться къ Петру Ивановичу—очень смѣло сталъ онъ съ ней говорить“.

И вотъ настала разъ такая эпоха „придиранія“ къ къ дворецкому Семену Кириловичу Тоболеву.

То былъ весьма красивый брюнетъ лѣтъ тридцати, со всей походкой и манерой слуги самага аристократическаго покроя. По званію своему, онъ чаще другихъ имѣлъ случай разговаривать съ барыней о разныхъ домашнихъ дѣлахъ.

Замѣтила Варвара Петровна, что при нѣкоторыхъ ея предложеніяхъ о покупкахъ для дома, при назначеніи кого-либо въ одну изъ должностей при домѣ, Семень иногда возражалъ и говорилъ съ ней довольно смѣло. Этого было достаточно: барыня начала „придираться“ къ своему любимцу дворецкому. Въ день нѣсколько разъ его призывала то за тѣмъ, то за другимъ, и всякій разъ выражала ему свое неудовольствіе, безъ всякой съ его стороны вины. Но Семень былъ не изъ терпѣливыхъ, и въ деревнѣ слылъ гордецомъ.

Увидя себя предметомъ гоненій, Семень хотя и не возражалъ и ни слова не говорилъ въ свое оправданіе, но лицо его показывало, что онъ только крѣпился, и кончилось все это для него очень печально.

За обѣдомъ Семень стоялъ за кресломъ барыни, а передъ ея приборомъ стоялъ небольшой графинъ съ водой, которая называлась „барынина вода“.

Когда Варвара Петровна произносила слово: „воды!“, которое у насъ равнялось извѣстному „A boire!“,— дворецкій долженъ былъ налить ей воды изъ этого графина. Составивъ себѣ планъ атаки противъ Семена, Варвара Петровна всякій разъ, какъ только подносила стаканъ къ губамъ, находила въ водѣ разные недостатки: то мутна, то холодна, то тепла, то съ запахомъ.

Такъ продолжалось нѣсколько дней сряду. Семень бралъ графинъ со стола и черезъ нѣсколько минутъ являлся, повидимому, съ другою водою. Варвара Петровна пила молча; но на другой день опять то же: опять—воды! опять—нехороша—дворецкій бралъ воду и приносилъ другую.

Такъ и въ тотъ достопамятный день Варвара Петровна поднесла стаканъ къ губамъ, оттолкнула его и, обратясь къ Семену, спросила:

— Что это такое?

Молчаніе.

— Я спрашиваю: что это такое?

Опять молчаніе.

— Добьюсь я, наконецъ, хорошей воды?—И мгновенно стаканъ съ водою былъ брошенъ почти въ лицо дворецкаго.

Семень поблѣднѣлъ, взялъ со стола графинъ и вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся и въ чистый стаканъ налилъ барынь воды.

— Вотъ это вода!—сказала Варвара Петровна и отпила болѣе полстакана.

Тогда Семень, блѣдный, съ дрожащими губами, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, сталъ передъ образомъ, перекрестился широкимъ крестомъ и сказалъ:

— Вотъ ей-Богу, передъ образомъ клянусь, я ту же воду подалъ; не мѣнялъ!

Сказавъ это, онъ обернулся лицомъ къ госпожѣ своей и посмотрѣлъ ей прямо въ глаза.

Прошло нѣсколько секундъ страшнаго молчанія.

Варвара Петровна вдругъ, вставъ, съ кресла, сказала:—Вонъ!—и вышла изъ-за стола, не окончивъ обѣда.

Все въ домѣ притихло, словно замерло, всѣ ходили на цыпочкахъ, всѣ перешептывались, а сама Варвара Петровна заперлась въ своей спальнѣ.

На другой день вмѣсто щегольского, коричневаго, съ ясными пуговицами фрака, на Семень была надѣта сермяга, а въ рукахъ у него была метла, которою онъ мѣлъ дворъ.

Изъ дворецкаго, по приказанію барыни, онъ преобразился въ дворника и оставался въ этомъ званіи года три или четыре, пока не замѣнилъ его совершенно случайно появившійся въ штатѣ Варвары Петровны знаменитый ея вѣмой дворникъ Андрей, описанный въ „Муму“ подъ именемъ *Герасима*.

Въ 1841 году Иванъ Сергѣевичъ возвратился изъ за-границы и пріѣхалъ лѣтомъ въ Спасское—Лутовиново.

Радость Варвары Петровны при свиданіи съ сыномъ была великая, хотя, впрочемъ, при встрѣчѣ, „ура!“ никого кричать она не заставляла. Только сама она вдругъ совершенно измѣнилась: ни капризовъ ни придирокъ, ни глѣва.

Чѣмъ это объяснить, какъ не обязательностью и добротой Ивана Сергѣевича, которая будто распространялась на все окружающее его. Всѣ его любили, всякій въ немъ чуждъ *своею* и душой былъ преданъ ему, вѣруя въ его доброту, которая въ домѣ матери не смѣла однако проявляться открыто въ защиту кого-либо. Но тѣмъ не менѣе, когда онъ прїѣзжалъ, говорили: „Нашъ ангелъ, нашъ заступникъ ѣдетъ“.

Вступленіе Ивана Сергѣевича на литературное поприще весьма не нравилось Варварѣ Петровнѣ.

По этому поводу происходили между матерью и сыномъ частые разговоры. Сидѣли разъ въ Спасскомъ на балконѣ

Иванъ Сергѣевичъ былъ очень веселъ, рассказывалъ матери, какъ буфетчикъ Михаилъ Филипповичъ убѣждалъ его поменьше кушать, и заговорилъ о „Скупомъ рыцарѣ“ Пушкина.

— Да! Имѣй я талантъ Пушкина!—съ досадою воскликнулъ онъ.—Вотъ тотъ бы изъ Михаила Филипповича сѣумѣлъ бы сдѣлать поэму! Да! вотъ это талантъ! А я что? Я, должно быть, въ жизнь свою ничего хорошаго не напишу!...

— А я такъ постичь не могу,—почти съ презрѣніемъ начала Варвара Петровна:—какая тебѣ охота быть писателемъ? Самъ говоришь, что Пушкинымъ не будешь. Ну еще стихи... такіе какъ его... пожалуй, а писатель! что такое писатель? По моему *écrivain ou gratte-parier est tout un!* *). И тотъ, и другой за деньги бумагу мараютъ... Дворянинъ долженъ служить и составить себѣ карьеру и имя службой, а не бумагомараніемъ. Да и кто же читаетъ русскія книги? Опредѣлился бы ты на настоящую службу, получалъ бы чины, а потомъ и женился бы, вѣдь ты теперь одинъ можешь поддержать родъ Тургеневыхъ!

*) Писатель и писецъ одно и то же!

Иванъ Сергѣевичъ шутками отвѣчалъ на увѣщанія матери, но когда дѣло дошло до женитьбы, онъ громко расхохотался:

— Ну ужъ это, маман, извини—и не жди—не женюсь! Скорѣй твоя спасская церковь на своихъ двухъ крестахъ трепака запляшетъ, чѣмъ я женюсь ¹⁾.

И какъ мнѣ, вспоминаетъ г. Житова, тутъ досталось за то, что я не выдержала и разсмѣялась на эти слова!—*Comment osez-vous rire quand il dit des bêtises!* ²⁾—запумѣла на меня Варвара Петровна.—И какія ты, Jean, глупости при ребенкѣ говоришь,—обратилась она къ сыну.

Но послѣ этого, я весь день не могла безъ смѣху видѣть Ивана Сергѣевича.

— А я такъ вотъ чего не пойму,—продолжалъ Иванъ Сергѣевичъ,—почему ты, маман, съ такимъ прервнѣемъ говоришь о писателяхъ?—было время, что вы всѣ барыни бѣгали за Пушкинымъ—сама ты любила и уважала Жуковскаго!..

-- Ахъ, это совсѣмъ другое дѣло—Жуковский!—какъ было не уважать его—ты знаешь, какъ близокъ онъ былъ къ Высочайшему Двору!

Еще болѣе уяснить возрѣнія Варвары Петровны на русскую литературу слѣдующее.

Удостоила она наконецъ прочесть „Мертвыя Души“.

— Ужасно это смѣшно!—похвалила она по-русски,—*mais à vrai dire je n'ai jamais lu rien de plus mauvais genre et de plus inconvenant* ³⁾, окончила она по-французски.

Однажды Иванъ Сергѣевичъ имѣлъ неосторожность вдругъ сказать матери, что на одно изъ его сочиненій написана критика.

¹⁾ Подлинныя слова Ивана Сергѣевича.

²⁾ Какъ съ ешь ты смѣяться, когда онъ говоритъ глупости.

³⁾ Не по-правдѣ сказать, никогда я не читала ничего болѣе неприличнаго.

Понимала ли Варвара Петровна настоящее значеніе критики, или хотѣла только придраться къ слову, чтобъ напасть на сына; но дѣло дошло и до доктора и до капель.

— Какъ? Тебя, дворянина, Тургенева! — кричала она — какой-нибудь дьяконицынъ сынъ судить будетъ!

— Да помилуй, папа, критикуютъ, значить, замѣтили, и я этимъ счастливъ! Я не нуль, когда обо мнѣ заговорили...

— Какъ заговорили? Какъ заговорили-то? Осудили! Тебя будутъ дуракомъ звать, а ты будешь кланяться... да? Къ чему ваше воспитаніе, къ чему всѣ гувернеры профессора, которыми я васъ окружала! Одинъ бросилъ меня изъ-за женщины, ему ни въ чемъ не равной, другой ты, mon Benjamin, въ писатели пустился...

И пошли тутъ слезы, рыданья и истерика...

Явился докторъ съ каплями. Иванъ Сергѣевичъ перепугался, началъ дѣловать руки матери и старался всячески ее успокоить.

— Ну, перестань же, папа, успокойся, прости меня: я самъ не радъ, что затѣялъ весь этотъ разговоръ...

— Могу ли я успокоиться, могу ли не огорчаться, — съ искренними слезами продолжала Варвара Петровна, — вотъ ты опять за-границу собираешься...

И начались опять упреки и высчитыванія всѣхъ выдѣлъ службы, женитьбы и жизни въ Россіи возлѣ нея.

Это и были самыя трудныя минуты для Ивана Сергѣевича; что могъ онъ отвѣтить на всѣ упреки матери?

Онъ опустилъ голову на руки и молчалъ, и съ выраженіемъ скорби, почти отчаянія на лицѣ, смотрѣлъ въ сторону.

Передъ отъѣдомъ Ивана Сергѣевича за границу, въ 1846 году, въ Москву пріѣзжала г-жа Віардо.

Она давала концертъ. Варвара Петровна знала уже о привязанности сына къ семейству Віардо и конечно не любила его, но слушать артистку поѣхала. Концертъ былъ утренній. Пріѣхавъ домой, она очень разсердилась за то, что Иванъ Сергѣевичъ къ обѣду не вернулся. Сидѣла она все время насупившись и не произнесла ни слова. Къ концу обѣда, она сердито стукнула ножомъ по столу и будто сама съ собою говоря, ни къ кому не относясь, сказала:— А надо признаться, хорошо проклятая цыганка поеть! *)

Въ ноябрѣ 1846 года г. Житова поступила въ пансіонъ г-жи Кноль, гдѣ, по странному капризу Варвары Петровны, вмѣсто ея настоящей фамиліи Богдановичъ, ей присвоили фамилію Лутовиновой и подъ этимъ именемъ, до самаго своего замужества, она была извѣстна своимъ подругамъ. Аттестаты, выданные и подписанные профессорами, преподавателями учебнаго заведенія, даны были тоже на имя ученицы Варвары Лутовиновой.

Однажды въ Спасскомъ—Лутовиновѣ, раздался торжественный колокольный звонъ, священникъ вышелъ изъ церкви съ Дарами и направился къ дому, гдѣ въ просторной моленной ожидала его Варвара Петровна.

За священникомъ, по заранѣе отданному приказанію, послѣдовалъ народъ, т.-е. вся аристократія дворни и конторы.

Всѣ шли въ моленную, блестящую множествомъ старинныхъ, богатыхъ фамильныхъ иконъ.

Священникъ поставилъ Дары на приготовленный для нихъ столъ и обратился къ Варварѣ Петровнѣ:

*) Подлинныя слова.

— Къ исповѣди приступимъ, сударыня?

— Исповѣдуйте, батюшка!—и она перекрестилась.

— Выйдите всѣ,—обратился священникъ къ народу.

— Не надо!—твердо сказала Варвара Петровна.

Вышло смятеніе: иные уже направились къ дверямъ, другіе колебались.

— Остаться! всѣмъ остаться!—крикнула Варвара Петровна, обернувшись вся лицомъ къ предстоящимъ.

— По уставу церковному, исповѣдь должна быть одинъ на одинъ съ отцомъ духовнымъ,—мягко протестовалъ священникъ.

— А я хочу при всѣхъ исповѣдоваться...

— Но вѣдь нельзя,—нѣсколько убѣдительноѣ произнесъ духовникъ.

— А я говорю: можно!—еще громче сказала Варвара Петровна, и изъ рукъ священника взяла книгу.

Юный еще тогда, отецъ Алексѣй (не знаю, живъ ли онъ?—тогда онъ только-что вступилъ въ свое званіе) оробѣлъ и замолчѣлъ. Онъ вѣрно сообразилъ, что при силѣ, богатствѣ, связяхъ и знакомствѣ съ архіереемъ, его помѣщица можетъ сильно ему повредить, передавъ фактъ совсѣмъ въ иномъ видѣ,—онъ уступилъ.

Тогда Варвара Петровна громко, отчетливо прочла молитву на сонъ грядущій: „Владыко, человекѡлюбче“, и, окончивъ, стала лицомъ къ народу:—Простите меня,—сказала она, и сдѣлала по поклону на три стороны.

— Теперь причастите меня, батюшка!

Когда священникъ прочелъ причастную молитву, земной поклонъ положили всѣ безъ исключенія.

Однажды Варвара Петровна узнала, что на дворѣ къ вечеру соберется компанія; такъ и случилось.

Вдругъ часовъ въ девять вечера, по дому разнеслась ужасная вѣсть:—Барынь дурно! Барыня умираетъ! Священника барынь!

Послали за священникомъ; сама Варвара Петровна потребовала его совершенно угасающимъ голосомъ. Она исповѣдалась, и на предложеніе священника причастить ее, объявила, что прежде желаетъ благословить всѣхъ и проститься со всѣми.

Все тѣмъ же умирающимъ голосомъ приказала она Агаеѣ поставить передъ собою портреты Ивана и Николая Сергѣевичей.

— Adieu, Jean! Adieu, Nicolas! Adieu, mes enfans, — твердила Варвара Петровна.

Порфирій Тимоеевичъ невозмутимо продолжалъ стоять въ ногахъ у постели барыни съ своими неизмѣнными каплями; Агаея же стояла въ головахъ и махала передъ лицомъ своей госпожи салфеткой, намоченной уксусомъ.

Варвара Петровна потребовала, чтобы вся ея домовая прислуга, въ числѣ сорока человѣкъ, и вся контора, въ которой числилось человѣкъ десять, начиная отъ главнаго конторщика, кассира, повѣреннаго по дѣламъ и прочихъ чиновъ, чтобы всѣ пришли съ ней проститься, такъ какъ она чувствуетъ, что умираетъ.

Когда было ей доложено, что всѣ собрались, она приказала всѣмъ по одному входить и прощаться съ нею.

Она лежала съ полуоткрытыми глазами; лѣвая рука была свѣшена съ постели.

Каждый изъ слугъ входилъ, дѣлалъ земной поклонъ барынѣ, и поцѣловавъ руку, удалялся, давая мѣсто слѣдующему. Когда очередь дошла до послѣдняго, она спросила: — Всѣ?

— Всѣ, сударыня, — отвѣчалъ Поляковъ, который въ качествѣ дворецкаго стоялъ тоже у постели для наблюденія порядка рукоцѣлованія.

— А... а... — протянула Варвара Петровна.

— Агапка! Чаю миѣ.

Докторъ, Агафья и ея мужъ смекнули, что все это была одна комедія, и только недоумѣвали, къ чему все это поведетъ. Развязка не заставила себя долго ждать: Варвара Петровна выпила двѣ чашки чаю; ожидавшему въ залѣ священнику позволено было удалиться, и она успокоилась.

Такъ прошло около часу.

— Полякова! — раздался зычный, наводящій на всѣхъ страхъ, голосъ Варвары Петровны, по которому уже сейчасъ слышно было приближеніе чего-нибудь необычайнаго.

— Бери листокъ! Пиши!

У постели на столикѣ лежала коробка въ формѣ книги, на которой, конечно, по-французски, было написано: „Feuilles volantes“. Въ этой коробкѣ лежали листки бумаги, на которыхъ она или сама писала, или приказывала другимъ записывать свои планы, предположенія и проч. для памяти.

Поляковъ взялъ листокъ и тутъ же карандашомъ началъ писать подъ диктовку госпожи слѣдующее:

„Завтра утромъ выгнать мести дворъ и садъ передъ моими окнами провинившихся: Николая Яковлева, Ивана Петрова, Егора Кондратьевича“, и т. д. Она продиктовала имена всѣхъ отсутствовавшихъ при прощаніи съ нею, а также тѣхъ, кого она замѣтила подъ хмѣлькомъ во время прощанія.

Когда имена всѣхъ были записаны, она только подтвердила исполнить, и подписала приказъ собственноручно.

— Мерзавцы, пьяницы! всѣ напились! рады, что барыня умираетъ! — съ разстановкой говорила она.

Она и забыла, что напились всё гораздо раньше страшной вѣсти о ея якобы близкой кончинѣ.

— Обрадовались, что я умираю! Пить принялись, именины справлять выдумали, когда барыня кончается! И долго продолжала она въ томъ же тонѣ.

На другой день всё виновные, не исключая и тузовъ дворни и конторы, въ сѣрыхъ халатахъ, съ кругами и крестами, начерченными мѣломъ на спинахъ, явились съ лопатами и метлами передъ окнами барскаго дома и великолѣпно расчистили дворъ и палисадникъ.

У Варвары Петровны были всегда дѣвчонки на побыушкахъ (технической терминъ). Обязанность ихъ состояла въ томъ, чтобы постоянно сидѣть въ барыниной уборной и быть готовой явиться по первому зову.

Бывши еще дѣвицей, Варвара Петровна окружила себя крѣпостными дѣвками, за нравственностью которыхъ страшно слѣдила. На просьбы дѣвокъ разрѣшить имъ выйти замужъ она обыкновенно отвѣчала: „къ чему? Сижу же я въ дѣвкахъ и ничего мнѣ не нужно! Посидите и вы!“ Какъ то разъ явилось подозрѣніе, что одна изъ крѣпостныхъ дѣвокъ, желая избѣжать позора и гнѣва, куда-то дѣла ребенка. Все Спасское было поднято на ноги. Обыскали всё закоулки, пруды и въ колодцѣ . . . . . нашли всего только семь разложившихся трупиковъ. Въ другой разъ крѣпостная дѣвка, Акулина съ ея прибудною новорожденною дочерью была продана помѣщицѣ Е. И. Юрасовской за „десять рублей ассигнаціей“.

А вотъ и еще картинка въ назиданіе потомству. Насталъ день Свѣтлаго Воскресенья. Обѣдня отошла рано, но звонъ въ колокола начался уже часовъ въ 7 или 8 утра. Начинъ положить самъ пономарь, и надо сказать мастеръ своего дѣла, а внизу мальчишки уже

съ нетерпѣніемъ ждали своей очереди позвонить для Великаго Праздника.

Варвара Петровна позвонила. Вошла Агаѣя.

— Что это за звонъ?—спросила барыня.

Изъ предосторожности и чтобы выскнуть въ смыслъ вопроса, Агаѣя молчитъ.

— Я спрашиваю, что это за звонъ?

— Праздникъ, сударыня, Святая недѣля, — былъ робкій отвѣтъ.

— Святая недѣля! Праздникъ! Какой? У меня бы спросили, какая у меня на душѣ Святая недѣля. Я больна, огорчена, колокола меня беспокоятъ. Сейчасъ велѣтъ перестать! — уже совсѣмъ гнѣвно dokonчила Варвара Петровна.

— Для меня нѣтъ Святой недѣли, — продолжала она, — и для моихъ, живущихъ у меня, она не должна быть. Сказать священнику, что я больна, что колоколовъ я слышать не могу.

А они все веселѣй и веселѣй гудѣли, всѣ слушали съ такою жадностью. Вотъ, вотъ умолкнуть, хотѣлось наслушаться, пока приказаніе еще не приведено въ исполненіе. И вотъ затихли. И остались всѣ безъ Святой въ этомъ году и въ колокола не звонили.

Какъ-то разъ лѣтомъ, желая избавиться отъ мухъ, Варвара Петровна приказала устроить носилки съ стекляннымъ колпакомъ; на носилкахъ этихъ, подобно китайскому мандарину, она и была носима по полямъ крѣпостными. Но послѣ того, какъ какой-то крестьянинъ, принявъ Варв. Петр. за свѣтыню, сталъ на колѣни, перекрестился и положилъ конѣйку, носилки и стеклянный колпакъ были уничтожены.

По приѣздѣ изъ Петербурга, Варварѣ Петровнѣ пришла фантазія потребовать у сына Николая Сергѣевича, женившася противъ ея воли, портреты его дѣтей.

Видя въ этомъ, какъ онъ и сознался послѣ, проблескъ нѣжности и возлагая на это даже нѣкоторыя надежды, Николай Сергѣевичъ не замедлилъ исполнить приказаніе матери.

Портреты были заказаны и по почтѣ высланы въ Москву.

Пришло объявленіе на посылку изъ Петербурга. Варвара Петровна подписала довѣренность на полученіе и на другой день утромъ приказала подать себѣ ее въ спальню.

Дворецкій Поляковъ внесъ маленькій ящичекъ, зашитый въ холстину.

— Разрѣжь и раскрой,—былъ отданъ приказъ.

Поляковъ исполнилъ, вынулъ нѣсколько листовъ бумаги, наложенныхъ сверху, и не успѣлъ еще вынуть лежащаго въ рамкѣ перваго портрета, какъ Варвара Петровна сказала:

— Подай!

Весь ящикъ былъ поданъ и поставленъ на столъ передъ нею.

— Ступай!.. дверь затвори.

Вся дворня стояла въ смежной комнатѣ, притаивъ дыханію... Что-то будетъ?

Всѣ домашніе по первому слову, произнесенному Варварой Петровной при ея пробужденіи, всегда знали, въ какомъ она духѣ и каковъ будетъ день.

На этотъ разъ все предвѣщало грозу и всѣ со страхомъ чего-то ждали.

Черезъ нѣсколько времени услышали стукъ ка-кого-то предмета, брошеннаго на полъ, и звукъ разле-тѣвшагося въ дребезги стекла.

Потомъ ударъ опять чѣмъ-то по стеклу и что-то съ силою брошенное объ полъ, и все затихло.

Конечно, всѣ догались, что бросались и разбива-лись дѣтскіе портреты.

— Агаея!—раздался грозный голосъ Варвары Пе-тровны. Агаея вошла. Барыня указала на полъ.— При-бери это, да смотри, чтобы стекла не остались на коврѣ.—Потомъ двинула на столъ ящикъ...

— Выбросить это,—добавила она.

Въ эту же зиму всѣ трое дѣтей умерли.

Ни прежде, ни послѣ, кромѣ переданнаго, ни-когда Варвара Петровна больше не упоминула о се-мействѣ Николая Сергѣевича, съ своей стороны и онъ никогда не дѣлалъ даже никакихъ попытокъ, чтобы тронуть сердце матери въ пользу ея внучатъ. Онъ слишкомъ хорошо зналъ мать, чтобы не понимать всю бесполезность просьбъ и напоминаній о бѣдныхъ ма-люткахъ.

Во время пребыванія Варвары Петровны въ Спас-скомъ—Лутовиновѣ, на домѣ развѣвался флагъ съ Тур-геневскимъ гербомъ съ одной стороны, и съ Лутовинов-скимъ съ другой, и возвѣщалъ о томъ, что Варвара Пет-ро: на дома, принимаетъ и рада гостямъ. Когда флагъ былъ спускаемъ, это значило, что она никого принимать не желаетъ.

Разъ какъ-то, катаясь, Варвара Петровна вспомнила мѣсто, гдѣ былъ когда-то прудъ, на которомъ дѣти ея, тогда еще маленькіе, имѣли свой ботикъ, доставлявшій имъ не малое удовольствіе; прудъ былъ мелокъ, и имъ позволено было однимъ на немъ кататься.

Мѣсто въ 1849 году представляло уже большой сухой оврагъ, заросшій травой и окаймленный серебристыми тополями.

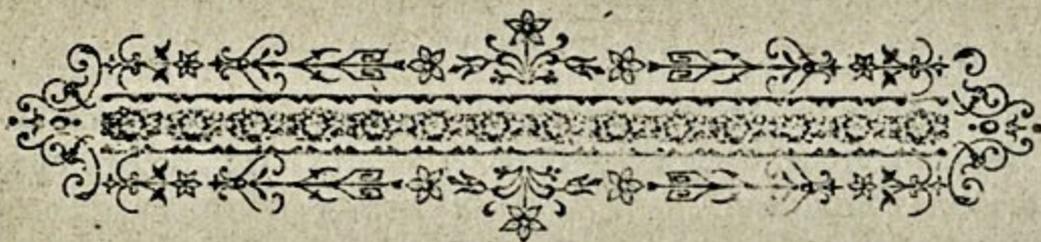
Немедленно велѣно было расчистить этотъ оврагъ, и на сторонѣ, обращенной къ большой дорогѣ, приказано было водрузить столбъ, на которомъ доморощенный живописецъ, Николай Федосѣевъ, онъ же и маляръ, по приказанію барыни, изобразилъ съ одной стороны руку съ протянутымъ указательнымъ перстомъ, а на другой надпись, конечно французскую: „Ils reviendront“.

Все было въ точности исполнено, исключая несбывшагося: „Ils reviendront“. Николай Сергѣевичъ въ самыхъ нѣжныхъ и почтительныхъ выраженіяхъ писалъ матери, что готовъ посвятить ея спокойствію всю свою жизнь и силы, если она только согласится на его бракъ. Иванъ Сергѣевичъ писалъ тоже умоляющее письмо, говоря что онъ готовъ пріѣхать, если ему только мать вышлетъ еще денегъ на дорогу, потому что полученныхъ имъ отъ нея 600 руб. даже не достало на уплату его долговъ за эти три года, въ которые онъ отъ матери ничего не получилъ.

Варвара Петровна ни тому, ни другому не отвѣчала.

Село Спасское - Лутовиново нынѣ принадлежитъ богатой мѣстной помѣщицѣ, женѣ Мценскаго предводителя дворянства О. В. Галаховой, это историческое село служить мѣстомъ ежегоднаго паломничества почитателей покойнаго Ивана Сергѣевича. Но . . . . нужно сознаться, что не съ радостнымъ чувствомъ выѣзжаютъ паломники изъ Спасскаго. Хозяйственная утилизація Тургеневскаго дома давно уже начата.

Глава VI.

Странности и чудачества Анненковой. Старуха Офросимова. Спиридонъ „хлѣбная матка“ Мацлевъ. Мишковскій балагуръ, „складной баринъ“ К. К. Эльцъ. Помѣщица Ржевская и ея пувстикъ. Пувстикъ Шеншиной. Разсыанность Болховскаго „производителя дворянства“ Юрасовскаго.

Орловская помѣщица Анна Ивановна Анненкова, мать Кавалергардскаго ремонтера, затѣмъ извѣстнаго декабриста И. А. Анненкова, также отличалась феноменальными причудами. По словамъ П. Е. Анненковой, старуха жила невозможною жизнью. Всѣмъ, пріѣзжавшимъ къ ней казалось, что они попадали въ сказочный міръ: домъ былъ громаднй, въ немъ жило до 150 чело-вѣкъ, составлявшихъ свиту А. И. Анненковой, парадныхъ комнатъ было безъ конца, но Анненкова никогда почти не выходила изъ своихъ апартаментовъ; болѣе всего поражала комната, гдѣ она спала: она никогда не ложилась въ постель и не употребляла ни постельнаго бѣлья, ни одѣяла. Она не выносила никакого движенія около себя, не терпѣла шума, поэтому всѣ лакеи ходили въ чулкахъ и башмакахъ, и никто не смѣлъ говорить громко въ ея присутствіи. Безъ доклада къ ней никто никогда не входилъ. Чтобы при-

нять когонибудь, соблюдалось двадцать тысяч церемоній, и нерѣдко желавшіе видѣть ее ожидали ее приѣма или выхода по цѣлымъ часамъ.

Въ офиціантской сидѣло постоянно 12 офиціантовъ; на кухнѣ было 14 поваровъ, и огонь никогда не переводился, потому что Аннѣ Ивановнѣ иногда приходила фантазія спросить чтонибудь закусить не въ назначенный часъ и это случалось всего чаще ночью, такъ какъ для сна у нея, также какъ и для обѣдовъ и завтраковъ, не было назначенныхъ часовъ. Все дѣлалось по капризу, по первому требованію Анненковой. Комната, гдѣ она постоянно находилась, была вся обита малиновымъ штофомъ; посрединѣ было сдѣлано возвышеніе, на которомъ стояла кушетка подъ балдахиномъ, отъ кушетки полукругомъ съ каждой стороны стояло по 6 вазъ изъ великолѣпнаго бѣлаго мрамора самой тонкой работы, и въ нихъ горѣли лампы. Эффектъ, производимый всей этой обстановкой, былъ чрезвычайный. Въ этой комнатѣ Анненкова совершала свой туалетъ также необыкновеннымъ способомъ: передъ нею стояло 6 дѣвушекъ, кромѣ той, которая ее причесывала; на всѣхъ 6 дѣвушкахъ были надѣты разныя принадлежности туалета Анны Ивановны: она ничего не надѣвала безъ того, чтобъ не было согрѣто предварительно животной теплотой; для этого выбирались все красивыя дѣвушки отъ 16 до 20 лѣтъ; послѣ 20 лѣтъ ихъ назначали на другія должности; даже мѣсто въ каретѣ, передъ тѣмъ какъ ей выѣхать, согрѣвалось тѣмъ же способомъ, и для этого въ домѣ содержалась очень толстая нѣмка, которая за полчаса до выѣзда садилась въ каретѣ, на то мѣсто, которое потомъ должна была занять Анна Ивановна. Пока она выѣзжала, нѣмка нагрѣвала мѣсто въ креслахъ, въ которыхъ Анна Ивановна всегда сидѣла. Надменность и эгоизмъ Анны

Ивановны Анненковой, а также ея необыкновенныя причуды становятся понятными, если знать ея жизнь. Она была единственная дочь И. В. Якобія, намѣстника всей Сибири въ эпоху императрицы Екатерины II. Матери своей не знала, такъ какъ лишилась ея при своемъ рожденіи. Отецъ ея страстно любилъ и баловалъ. Когда она кончила свое воспитаніе въ Смольномъ, то поѣхала къ отцу въ Сибирь, гдѣ, не смотря на свою молодость, сразу стала полноправною хозяйкою, окруженною несказанной роскошью, такъ какъ въ то время начинали устанавливаться торговыя сношенія съ Китаемъ. Можно себѣ представить какіе богатые и рѣдкіе подарки несли торговые люди такому сильному человѣку, какъ намѣстнику сибирскому, и какимъ поклоненіемъ окружали балованную дочку. Якобіи вывезъ изъ Сибири и рѣдкія китайскія матеріи, и дорогіе мѣха, и, наконецъ, значительную сумму денегъ. Вкладные листы были утеряны подъ конецъ жизни Анны Ивановны ея повѣреннымъ.

Вышла замужъ Анна Ивановна поздно, подъ сорокъ лѣтъ: такъ долго не могла найти себѣ человѣка по сердцу.

Анна Ивановна никогда не ложилась въ постель, она спала на кушеткѣ, на которую разстилалось что-нибудь мѣховое, и покрывалась она какимъ нибудь салопомъ или турецкою шалью; на ночь она не только не раздѣвалась, но совершала даже другой туалетъ, не менѣе парадный, какъ дневной, и съ такими-же церемоніями. Надѣвался обыкновенно бѣлый пенюаръ, вышитый илѣ съ кружевами на шелковомъ цвѣтномъ чехлѣ, потомъ пышный чепчикъ съ бантами, затѣмъ шелковые чулки, непременно тѣлеснаго цвѣта, и бѣлые башмаки, по тогдашней модѣ, съ лентами, которыя завязывались, а бантики тщательно расправлялись, какъ

будто бы она ѣхала на какой нибудь балъ. Въ такомъ пышномъ туалетѣ она прилегала на кушетку и никогда не оставалась одна. При ней было до 40 избранныхъ дѣвушекъ и женщинъ разнаго возраста, которыя по очередно должны были находиться въ ея комнатѣ. На ночь въ комнату Анны Ивановны вносились диваны, на которыхъ помѣщались дежурныя; онѣ должны были сидѣть всю ночь и непременно говорить въ полголоса; подѣ ихъ говоръ и шопоть дремала причудница, а если только онѣ умолкали, она тотчасъ же просыпалась. Столъ ея былъ не менѣе прихотливъ, какъ все остальное, и накрывался каждый день на сорокъ приборовъ; сама она обѣдала за особеннымъ столомъ, къ которому приглашались только избранные, а зачастую даже въ своей комнатѣ, куда вносился уже накрытый столъ на 4 прибора, такъ какъ она требовала около себя положительной тишины и спокойствія. Она не хотѣла знать никакой заботы, никакого горя, и когда ея сынъ Григорій былъ убитъ на дуэли, то ей рѣшились сказать объ этомъ только годъ спустя. Ея многочисленными имѣніями управлялъ Черндбой, изъ ея же крѣпостныхъ, нажившій себѣ нѣсколько домовъ въ Москвѣ, а всѣмъ хозяйствомъ заправляла дальняя родственница Перская; всѣ доходы съ имѣній привозились и сдавались ей, въ комнатѣ ея стоялъ комодъ, куда ссыпались деньги по ящикамъ, по качеству монеты, и навѣрно Перская сама не знала хорошенько, сколько ссыпалось въ комодъ и сколько изъ него расходовалось. Безпорядокъ и воровство въ домѣ были такъ велики, что подѣ конецъ жизни Анны Ивановны все серебро, котораго было не мало, было все заложено; оно выкупалось изъ ломбарда, когда давался какой нибудь обѣдъ, и на другой день снова закладывалось.

Послѣ ссылки сына ея въ Сибирь, раззореніе пошло такъ быстро, что въ 1830-хъ годахъ Анна Ивановна жила уже на квартирѣ, продавъ свой пышный домъ и дачу въ Сокольникахъ, а когда она умерла въ 1842 г., то нечѣмъ было похоронить ее и расходы на похороны были сдѣланы Алексѣемъ Григорьевичемъ Тепловымъ, женившимся на ея внучкѣ.

Въ 1826-мъ году въ домѣ старухи Анны Ивановны Анненковой, всего было такъ много, что комнаты, гдѣ хранились эти богатства, были похожи на магазинъ. Однѣхъ платьевъ счетомъ было до 5,000; для нихъ велась особенная книга, съ приложеніемъ образчиковъ, по которымъ Анна Ивановна назначала— какое платье желала надѣть. Два сундука были наполнены самыми рѣдкими кружевами, цѣнностью въ 100,000 руб. Цѣлая комната была занята разными дорогими мѣхами, привезенными, какъ говорили, изъ Сибири. Анна Ивановна страшно любила наряжаться, забирала очень много по магазинамъ, особенно въ англійскомъ, который былъ тогда въ модѣ, и гдѣ она пользовалась безграничнымъ кредитомъ, такъ какъ магазину было извѣстно, что въ лондонскомъ банкѣ находится громадный капиталъ, на который она имѣла право. Когда ей нравились какія нибудь матеріи, то покупала цѣлыми кусками, чтобъ у другихъ не было подобныхъ. Она была окружена ореоломъ величія, къ ней ѣздила вся Москва. Эта бездушная женщина была неимоვნю строга съ своимъ сыномъ, и онъ являлся къ ней не иначе, какъ затянутый въ мундиръ, и постигшее его несчастіе нисколько не расшевелило ее. Она не сдѣлала ни шагу для того, чтобъ утѣшить его или облегчить его участь. Только изъ тщеславія и гордости, пока сынъ ея былъ въ крѣпости, послала она

серьги дочери Подушкина *), оцененныя въ 5 тысячъ.

Въ старомъ русскомъ обществѣ было много типичныхъ старухъ, которыя были отраженіемъ своего вѣка.

Настасья Дмитриевна Офросимова была старуха высокая, мужского склада, съ порядочными даже усами; лицо у нея было суровое, смуглое, съ черными глазами. Офросимова въ свое время имѣла большую силу и власть. Силу захватила, власть приобрѣла она съ помощью общаго къ ней уваженія. Откровенность и правдивость ея налагали на многихъ невольное почтеніе и даже страхъ. Это былъ судъ, какъ говоритъ князь Вяземскій въ своихъ воспоминаніяхъ, предъ которымъ докладывались житейскія дѣла, тяжбы; молодыя барышни, только что вступившія въ свѣтъ, не могли избѣгнуть осмотра и, такъ сказать, контроля ея. Матери представляли ей дѣвицъ своихъ и просили ее, какъ мать-игуменью, благословить ихъ и оказывать имъ и впредь свое начальническое благоволеніе.

Благово въ своихъ запискахъ говоритъ: „Всѣ, и знакомые, и незнакомые, ей оказывали особый почетъ, Бывало сидитъ она въ собраніи, и Боже избави, если какой-нибудь молодой человѣкъ или барышня пройдутъ мимо нея и ей не поклонятся: „Молодой человѣкъ, поди-ка сюда, скажи мнѣ кто ты такой, какъ твоя фамилія?

— Такой-то.

— Какъ? Да ты ужъ чего добраго не Машенькинъ-ли сынъ?

— Да! Мою мать зовутъ Марія . . . . .

— Ну такъ и есть, я твоего отца Константина Алексѣевича знала, а съ бабушкой Авдотьей Ивановной,

*) Плащъ-маіора Петропавловской крѣпости въ 1826 году.

когда мы еще дѣвченками были вмѣстѣ за-границу ѣздили. Я всѣхъ твоихъ знаю и Хитрово и Бырдиныхъ и Раппъ и Меншиковыхъ. Ну видишь кто я, а ты идешь мимо меня и головой мнѣ не кивнешь; видишь, старуха, ну и поклонись, голова не отвалится.

И такъ cadaго ошельмуешь, что отъ стыда сгорить. Всѣ трепетали предъ этой старухой—такой она умѣла нагнать страхъ, и никому въ голову не приходило, чтобы возможно было ей сгрубить или отвѣтить дерзко. У Офросимовой былъ умъ не блестящій, но разсудительный и отличающійся русскою врожденною смѣтливостью. Когда генераль Закревскій былъ назначенъ финляндскимъ генераль-губернаторомъ, она сказала: „Да какъ же будетъ онъ тамъ управлять и объясняться? Вѣдь онъ ни на какомъ языкѣ кромѣ русскаго не въ состоянїи даже попросить у кого бы то ни было табачку понюхать!“

Старуха Офросимова была вдова генераль-маіора, она выведена графомъ Толстымъ въ его романѣ „Война и миръ“.

Не малыми странностями отличался также Орловскій помѣщикъ Спирид. Тим. Мацневъ. Онъ служилъ секретаремъ въ Орловской провинціальной канцеляріи, затѣмъ вышелъ въ отставку и принялся хозяйничать, и въ нѣсколько лѣтъ нажилъ и заработалъ такъ, что имѣлъ болѣе шести тысячъ душъ и лѣсную дачу въ 18 тыс. десятинъ. Хозяйство его было почти безпримѣрное: ему были вѣдомы всѣ нужды его крестьянъ, ни одинъ изъ его крѣпостныхъ ни за чѣмъ не долженъ былъ ѣздить въ городъ, все нужное для себя онъ находилъ въ экономїи своего барина и все отъ него покупалъ. Но у Мацнева, по пословицѣ „легъ и всталъ“, надзоръ надъ всѣмъ былъ самый рачительный. Помѣщики его называли „хлѣбною маткою“.

Самъ онъ, при всемъ богатствѣ, по внѣшности не отличался ничѣмъ отъ своего мужика. Ходилъ въ лаптяхъ и простомъ мужицкомъ нарядѣ, ѣлъ на деревянныхъ тарелкахъ и деревянными ложками, и, болѣе отъ скупости, морилъ себя голодомъ. Самый парадный его выѣздъ въ поле былъ въ холстинномъ халатѣ, обли томъ масляною краскою, часто безъ сѣдла, на одномъ потникѣ. Нравственности онъ былъ не высокой, со всѣми ссорился и притѣснялъ сосѣдей. Все его богатство не пошло въ прокъ! Былъ у него одинъ сынъ, но и тотъ при немъ умеръ. Послѣ него остался внукъ, который хотя и женился на богатой аристократкѣ, родной сестрѣ любимца Екатерины II, но изъ всего своего и жена уберечь только имѣніе въ 400 душъ, на которомъ, впрочемъ, долговъ, было больше, чѣмъ оно стоило. Дѣти его тоже отличались большими причудами.

Въ с-цѣ Мишковѣ, Мценскаго уѣзда, въ срединѣ прошлаго столѣтія проживала помѣщица Марія Борисовна Глѣбова, мать секунданта на дуели Лермонтова лейбъ-гусара М. П. Глѣбова; при ней въ качествѣ . . . . я впрочемъ не знаю вѣрно въ какомъ именно качествѣ жилъ домовой докторъ Карлъ Карловичъ Эльцъ—прекуріознѣйшая личность. Первою оригинальностью этого человѣка было то, что онъ былъ, по выраженію прислуги,—„весь складной“. Карлъ Карловичъ носилъ парикъ, кромѣ того у него обѣ ноги были фальшивыя и вставныя зубы. „Ну, умри сейчасъ, къ слову сказать,—потѣшалась прислуга,—Карлъ Карловичъ намъ и хоронить-то его почитай что не придется, мы всѣ разберемъ его на память—кому придутся зубы, кому нога, кому другая, а кому и накладка съ волосами. Другою странностью было то, что въ рѣчи онъ всегда употреблялъ букву з, вмѣсто с; такъ, онъ всегда совѣтывалъ русскаго мужичка „зудить (вмѣсто судить) по

законамъ,, когда же пріѣзжали гости, то Карла Карловича обыкновенно долго не могли найти, по его словамъ онъ „у Марьи Борисовны садъ чистилъ“.

Заговоривъ о замѣнѣ одной буквы другою, мнѣ невольно приходитъ на память одна здравствующая и понынѣ Орловская купчиха вдова, „хотя и мучного, но честнаго торговца“, какъ она себя величаетъ, которая, вернувшись изъ заграничнаго путешествія, рассказывала въ обществѣ о томъ, какъ она однажды въ Венеціи „цѣлую ночь каталась въ гондолѣ“; присутствовавшіе при этомъ положительно помирали со смѣху, благодаря тому, что рассказчица въ послѣднемъ словѣ вмѣсто *л* употребляла букву *н*.

Въ одномъ изъ уѣздовъ Орловской губерніи, также въ срединѣ прошлаго столѣтія проживала помѣщица Ржевская, помѣшанная на томъ, что крѣпостные люди хотятъ отравить ее. Для того же, чтобы избѣжать этого, она имѣла при себѣ кобелька, подъ названіемъ „Журжикъ“, который пробовалъ всегда всякое кушанье ранѣе своей хозяйки. Попробуетъ кобелекъ кушанье, облизнется и Ржевская съ аппетитомъ принимается уписывать остатки, но бывало и такъ: наѣвшись до отвала, Журжикъ понюхаетъ кушанье и пойдетъ прочь.

— Позвать сюда дворецкаго, его жену и всѣхъ его дѣтей,—раздается грозный окликъ барыни.

Является дворецкій съ семьєю.

— Ышь! приказываетъ барыня.

Дворецкій начинаетъ ѣсть, вмѣстѣ съ нимъ изъ той же тарелки, по приказу барыни, ѣсть и вся его семья, а затѣмъ уже, вполнѣ успокоенная, доѣдаетъ остатки и сама барыня.

Мценская помещица Шеншина страдала въ нѣкоторомъ родѣ маніей преслѣдованія, такъ какъ въ лаѣ собакъ, ей слышались площадныя ругательства, желая избѣжать которыя, она приказала обить свою комнату войлокомъ для того, чтобы ничего не слышать.

Болховской предводитель или „производитель“ дворянства, какъ говорили крестьяне, П. Д. Юрасовскій отличался феноменальною разсѣянностью. Въ 1831 году въ принадлежавшемъ ему с-цѣ Сурьянинѣ, во время холерныхъ беспорядковъ крестьяне разрыли могилу заразнаго учителя, вырыли трупъ его и проткнули осиновымъ коломъ. Производя объ этомъ происшествіи дознание „съ пристрастіемъ“, становой приставъ избилъ на допросѣ любимаго барскаго наѣздника Никитку; это привело въ странный гнѣвъ Юрасовскаго.

Поскакавъ немедленно къ губернатору Кочубею, куда тотчасъ же вызванъ былъ для дачи объясненій и становой, Юрасовскій, пуская ему въ носъ изъ своей трубки дымъ, спрашивалъ его о подробностяхъ допроса „съ пристрастіемъ“. Становой защищался какъ могъ, но противъ истины ничего не подѣлаешь. Въ пылу допроса Юрасовскій, какъ будто невзначай, схватилъ становаго за руку и указательнымъ его пальцемъ сталъ поправлять пепель у себя въ трубкѣ. Становой закричалъ благимъ матомъ отъ боли и, выдернувъ руку, принялся дуть на свой указательный палецъ.

Юрасовскій, разумѣется, разсыпался въ извиненіяхъ, сваливъ всю вину на свою ужасную разсѣянность.

Глава VІІ.

Богатство и чудачества Мих. Евл. Бырдина и сына его Петра Михайловича. Экцентричности Мухортова и Веревкина. Рѣдкій подарок Юрасовскаго, его крѣпостной театр. Мировой посредникъ Мен... Заключеніе.

Въ Кромскомъ уѣздѣ, въ началѣ прошлаго столѣтія проживалъ по-царски Михаилъ Евлампіевичъ Бырдинъ. Въ его имѣніи былъ богатѣйшій домъ съ замѣчательными оранжереями. Домъ этотъ настолько былъ въ славѣ своею роскошью, что многіе ѣздили нарочно его осматривать. Особенно обращали на себя вниманіе двери изъ цѣльнаго богемскаго хрусталя, сдѣланныя съ необыкновенно роскошными бронзовыми ручками.

Роскошный деревенскій домъ Бырдина былъ въ 50 кмнать, съ залами въ два свѣта, съ галереей въ помпейскомъ стилѣ.

Въ Орлѣ, на Левашевской горѣ у Бырдина былъ также чудный домъ, стоялъ онъ противъ того мѣста, гдѣ нынѣ высится монументъ, воздвигнутый благодарными Орловцами, своему крайне полезному дѣятелю Байковскому, устроившему ни къ черту не годный водопроводъ.

Бырдинъ говорятъ объявилъ: „кто сосчитаетъ сколько у меня крѣпостныхъ, тому дамъ семью крѣпостныхъ!“ Говорятъ нашлись нѣкоторые желавшіе получить обѣщанное, но сосчитать не могли, а только спорили.

Послѣ его смерти въ кладовой въ углу нашли цѣлую грудку чего-то, покрытую толстымъ слоемъ пыли. Когда разсмотрѣли сложенное, то оказалось, что то была старинная серебряная посуда вѣсомъ около 90 пудовъ.

Его сынъ Петръ Михайловичъ Бырдинъ отличался буйнымъ характеромъ. Гулявшій, пившій, развратничавшій вмѣстѣ съ дворовыми, дѣлавшій съ ними разныя продѣлки, Бырдинъ былъ властелинъ почти неограниченный ихъ живота и смерти. За него и для него всякій готовъ былъ на самыя отчаянныя предпріятія и часто жертвовалъ собою изъ за одного каприза его или другихъ увлеченій. Люди преданы были ему беззавѣтно и, по его слову, буквально лѣзли въ огонь, на ножъ и звѣря.

Всякій изъ крѣпостныхъ, хотя и зналъ, что можетъ подвергнуться страшной отвѣтственности передъ закономъ, быть сосланнымъ въ Сибирь, на каторгу, послѣ кнута и съ вырванными ноздрями, какъ это въ то время дѣлалось, но еще тверже зналъ, что всему этому трудно случиться, если преступленіе совершено при благосклонномъ участіи самого Бырдина, а еслибъ вздумалъ отказаться отъ участія въ барской потѣхѣ, то-бъ подвергся страшному гнѣву его, который могъ создать для него и подобіе кнута и Сибирь и каторгу, только-бъ ноздрей не вырвалъ—а это ужъ дѣло послѣнее.

П. М. Бырдинъ былъ страстный лошадиный охотникъ, лошадей онъ водилъ въ Лебедянь на скачки, въ Москву на бѣга, пускалъ онъ ихъ въ Орлѣ по льду р. Оки, на пари съ помѣщиками. Во время призовыхъ состязаній Бырдинъ потѣшалъ положительно публику,

онъ приходилъ въ такой ражъ, что забывалъ присутствіе дамъ и многочисленной публики. Командуя своимъ наѣзникомъ, онъ выражался непечатно. Если его рысакъ отставалъ, то вопль по адресу наѣзника, оглашалъ мѣсто состязаній, непечатанія слова висѣли въ воздухѣ, онѣ сыпались, какъ горохъ изъ мѣшка и горе было добропорядочному посѣтителю бѣга, если онъ являлся съ дочерью, сестрою или женою, не заткнувши имъ крѣпко на крѣпко ушей ватой. Огорченнаго Бырдина ни что не могло успокоить, онъ дѣлался совсѣмъ невмѣняемъ. Видя свою лошадь отставшею, онъ благимъ матомъ вопилъ: Никишка выпускай! Никишка! чего сидишь какъ деревянный! словно пень дубовый! задеру каналью, задеру на смерть! охъ Никишка! зарѣзалъ, совсѣмъ зарѣзалъ! — и бѣговой мученикъ падалъ со стула, на которомъ сидѣлъ. Но, если рысакъ выдѣлялся впередъ, Бырдинъ громко кричалъ: Никиша! милый выпусти еще, ради Бога выпусти, брось всѣхъ, брось ихъ разъ . . . . . дѣтей за флагъ.

Послѣ удачи Никишку помѣщикъ цѣловалъ, дарилъ деньгами; въ случаѣ неудачи, его волокли на конюшню, гдѣ и драли немилосердно.

Во время Севастопольской кампаніи Никитка былъ въ Тобольскомъ полку пѣсенникомъ, гдѣ былъ запѣвалой.

Изъ пѣсенниковъ Тобольскаго полка уцѣлѣлъ онъ одинъ.

— Ты зачѣмъ остался цѣлъ? спрашивали его помѣщики.

— Да еслибъ меня убили, то ктобы училъ новыхъ пѣсенниковъ? . . . нарочно для того и оставленъ!

Рассказываютъ напримѣръ, что пришло разъ Бырдину въ голову, разгоряченную пуншикомъ, приказать зашить въ шкуру дьякона, и, въ качествѣ крупнаго звѣря, чуть было совсѣмъ не затравилъ собаками.

Въ другой разъ В. П. Лутовинова (впослѣдствіи Тургенева), встрѣтивъ однажды Бырдина гдѣ-то въ обществѣ и, не замѣтивъ, что онъ „на сильномъ ваводѣ“, попросила показать карточку его невѣсты.

Бырдинъ моментально выхватилъ карточку изъ кармана и подалъ ее любопытной барышнѣ.

Мы не знаемъ, что за карточку показалъ Бырдинъ, но надо полагать, что она была хороша. Лутовинова вскрикнула и съ ней сдѣлалось дурно.

Послѣ этого она видѣть не могла Бырдина и когда вышла замужъ за Тургенева, то двери Спасскаго-Лутовинова навсегда были для Бырдина закрыты.

Однажды подвернулся Бырдину подъ сердитую руку какой-то грязный жиденокъ, ударившій палкой любимую суку изъ Бырдинской своры.

— Бери его! Держи! Ату его! раздалась команда.

Цари жиденка поймали, содрали невыразимыя и арапники засвистали въ воздухъ.

Жиденка отодрали, отодрали на славу и притомъ такъ, что послѣ порки его пришлось приводить въ чувство, первобытнымъ способомъ—его отливали водою, а тѣмъ временемъ Бырдинъ сѣлъ на пенъ и началъ передъ громадною толпою читать лекцію о „еврейскомъ обрядѣ обрѣзанія“ при чемъ демонстрировалъ жиденка.

Затѣмъ его окунули въ деготь, вываляли въ пуху, мазнули скипидаромъ и пустили на всѣ четыре стороны.

Послѣ этого случая, лѣтъ черезъ 50, если бы Бырдинъ всталъ изъ гроба, то онъ ахнулъ бы: выпоротый имъ жи енокъ, уже сѣдой жидъ, пролетѣлъ не только надъ Орломъ, но и надъ всею Россіею какъ бы трескучимъ метеоромъ съ своею концессіею, взятою имъ на постройку Орловско-Грязской жел. дороги.

Въ прежнее время нужно было только взять концессию, а ужъ миллионы будутъ—такъ и случилось: сей мужъ израильскій скоро сталъ архи-миллионеромъ.

Будучи по рожденію своему, происхожденія мѣщанскаго, сговорчивый съ своею совѣстью, онъ быстро разбогатѣлъ и скоро достигъ всѣхъ тѣхъ отличій, какія были тогда доступны жидамъ-миллионерамъ. Но всѣ эти отличія не заморили того червячка, который сосалъ его честолюбивое сердце и надменную душу: онъ смотрѣлъ дальше, и гражданство, хотя и почетное, да нѣсколько золотыхъ медалей, хотя бы и по фунту вѣсомъ, вовсе не считалъ предѣломъ для своихъ вождедѣвній и былъ, едва-ли не первымъ изъ жидковъ (даже не выкрестовъ) цѣною пожертвованій и всякаго другаго сорта мздовоздаяній, достигшій до купленнаго „полнаго генеральства“—до дѣйствительнаго тайнаго совѣтника—генеральства накладнаго серебра, какъ въ насмѣшку называли помѣщики.

Но вернемся къ Бырдину, оставивъ его крестника въ покоѣ.

Бырдину страшно нравились англійскія эксцентричности, особенно страсть англичанъ держать пари.

Такъ и онъ былъ готовъ биться объ закладъ изъ за всего, ну хоть изъ за того даже, кто дальше плюнетъ.

Разсказываютъ, что какъ-то разъ онъ проигралъ ловкому спеціалисту по этой части цѣлую деревню въ Ливенскомъ уѣздѣ.

Заговоривъ о любителяхъ держать пари, я не могу умолчать о Лейбъ-гусарѣ (Павлоградскомъ) Мухортовѣ, который побился объ закладъ въ томъ, что онъ проспигъ одинъ всю ночь на кладбищѣ, въ свѣже-вырытой могилѣ. Побился и—выигралъ.

На утро нашли Мухортова въ могилѣ, крѣпко хра-

пящимъ на подушкѣ обложеннаго всевозможными винами и закусками.

Другой любитель пари Веревкинъ, бился объ закладъ въ томъ, что верхомъ въѣдетъ въ залъ 1-го класса только что выстроенаго Орловскаго вокзала и выпьетъ бокаль вина, побился и... также выигралъ.

Послѣ П. М. Бырдина остался сынъ его Иванъ Петровичъ, владѣвшій въ одной только Орловской губерніи состояніемъ равнымъ 35 тысячамъ десятинъ земли, прозванный за то современниками евангельскимъ богачемъ.

И. П. Бырдинъ былъ бездѣтенъ и оставилъ послѣ себя наследство, которое прославилось тѣмъ, что цѣлыя 11 лѣтъ искало себѣ законныхъ наследниковъ и, подобно заговоренному кладу, никакъ не могло ихъ найти, за это время адвокаты успѣли приобрѣсти себѣ землю, выѣздныхъ лошадей, обзавестись шубами, чудными женщинами. 17 Января 1897 года Бырдинское наследство раздѣлено было наконецъ на 5 частей и обогатило пять дворянскихъ фамилій.

Заговоривъ о Бырдинѣ, нельзя не припомнить другого богача, дальняго его родственника Алексѣя Денисовича Юрасовскаго.

Г. Коробинъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ о немъ говоритъ: Юрасовскій, получая слишкомъ громадныя средства съ своихъ владѣній, не гнался за рабочими руками и, хотя не давалъ письменныхъ вольныхъ крестьянамъ, но распускалъ ихъ и позволялъ заниматься чѣмъ они хотятъ, лишь бы они платили ему условный годовой оброкъ. Такъ какъ этотъ оброкъ былъ ничтоженъ, а торговлею заниматься тогда было очень выгодно, то многіе изъ крестьянъ занимались ею, переселившись въ разные города, быстро богатѣя и прославляя своего помѣщика-благодѣтеля. Одинъ изъ та-

нихъ крѣпостныхъ, Семень Карвѣвъ, будучи сначала простымъ дворовымъ мальчишкой, потомъ бурмистромъ большого заглазнаго имѣнія, успѣлъ нажитья, затѣмъ просилъ своего барина отпустить и его, какъ и прочихъ, на оброкъ и, получивъ на то разрѣшеніе, переселился въ Болховъ, гдѣ, занявшись хлѣбною торговлею, быстро разбогатѣлъ, купилъ домъ и сталъ окружать себя роскошью, подражая во всемъ своему помѣщику. Алексѣй Денисовичъ Юрасовскій жилъ постоянно въ своемъ любимомъ сельцѣ Морозовѣ, верстахъ въ 6-ти отъ Болхова. Здѣсь, среди роскошной обстановки, среди сонма гувернеровъ и гувернантокъ, онъ всецѣло посвятилъ себя воспитанію трехъ своихъ сыновей и дочери. Одинъ изъ любимыхъ имъ гувернеровъ, бывая часто въ Болховѣ по дѣламъ Алексѣя Денисовича, познакомился съ бывшимъ его бурмистромъ и безъ ума полюбилъ его дочь, которая отвѣчала ему взаимностью. Влюбленные открыли свои чувства отцу послѣдней и просили его не помѣшать ихъ счастью, но разжирѣвшій крестьянинъ и слышать не хотѣлъ о бракѣ своей дочери съ какимъ-то, какъ онъ называлъ, пришлецомъ, учителишкой. Отказавъ наотрѣзъ, крестьянинъ приказалъ бѣдному гувернеру „убратся по добру, по здорову, изъ его дома и впредь его не беспокоить“. Гувернеръ упалъ передъ естокимъ отцомъ на колѣни, плакалъ, умолялъ не губить его и согласиться на бракъ, обѣщая въ противномъ случаѣ наложить на себя руки. Это нисколько не тронуло богача-крестьянина и онъ, разсердившись, приказалъ вытолкнуть наглеца за ворота. Какъ въ воду опущенный ходилъ гувернеръ съ того дня. Это замѣтили всѣ въ Морозовѣ, а одна любопытная гувернантка, вывѣдавши все подробно о случившемся, при случаѣ передала о томъ Алексѣю Денисовичу. Настало Рожде-

ство (1830 года). Въ первый день Алексѣй Денисовичъ раздавалъ обыкновенно подарки всѣмъ жиущимъ въ домѣ, которые, собравшись для этого въ двухсвѣтной залѣ большого морозовскаго дома, ожидали своей очереди. Алексѣй Денисовичъ былъ въ очень веселомъ расположеніи духа, и, сидя въ мягкомъ креслѣ, шутилъ совѣми, въ особенности съ своимъ грустнымъ любимцемъ. Подарки раздавалъ восьмилѣтній барчукъ Константинъ по указаніямъ отца. Наконецъ, очередь дошла и до грустнаго гувернера. Алексѣй Денисовичъ вынулъ изъ кармана бумагу и черезъ сына подаль ее гувернеру, который съ недоумѣніемъ взялъ ее и началъ читать. Каково же было его удивленіе, а затѣмъ радость, когда онъ, прочтя бумагу, узналъ, что помѣщикъ даритъ ему ту, которую онъ такъ любитъ, а на придачу къ ней еще отца, мать, братьевъ и сестеръ; вообще жалуетъ гувернеру въ вѣчное и потомственное владѣніе разбогатѣвшаго крестьянина со всѣми его чадами и домочадцами, а сверхъ того, на прибавокъ къ нимъ, домъ на лучшей болховской улицѣ. Можно судить въ какой ужасъ пришелъ богачь-крестьянинъ, узнавъ, что онъ сдѣлался крѣпостнымъ того, котораго такъ бессердечно выгналъ изъ своего дома.

Разсказъ этотъ записанъ со словъ священника Рудневской церкви, отца Михаила Архангельскаго, отправлявшаго обязанности чтеца на молебнѣ, на первый день Рождества Христова, въ селѣ Морозовѣ, послѣ чего отецъ Михаилъ остался посмотреть на подарки и бытъ такимъ образомъ свидѣтелемъ поступка Юрасовскаго. Разсказъ этотъ подтверждаютъ и другіе старожилы въ Болховѣ.

Е. С. Нугардъ въ своемъ очеркѣ „Быль изъ временъ крѣпостничества въ Орловской губерніи“ подробно съ дальнѣйшими послѣдствіями передаетъ выше приведенное событіе.

Юрасовскій былъ большой любитель театра.

Въ 1805 году имъ былъ купленъ за 37 тысячъ рублей ассигнаціей крѣпостной хоръ музыки у Тамбовской и Московской помѣщицы, генеральши Л. П. Чертковой, хоръ этотъ состоялъ изъ 44-хъ крѣпостныхъ музыкантовъ съ ихъ жены, дѣти и семейства, а всего на всего съ мелочью 98 человекъ—въ томъ числѣ старпки, дѣти, музыкальныя инструменты и прочія принадлежности*.

Музыканты эти играли ежедневно во время обѣдовъ въ Морозовѣ и часто подвизались на крѣпостномъ театрѣ въ с-цѣ Сурьянинѣ, сохранившуюся печатную афишу 1828 года намъ лично приходилось видѣть въ Орлѣ, копія съ этой афиши, во всей своей неприкосновенной прелести помѣщена была въ „Русской Старинѣ“, за 1900 годъ и „Трудахъ Орловской Ученой Архивной Коммисіи“ за 1901 и 1902 г.г.

Свой балетъ, свой оркестръ, свои пѣвчіе, свой театръ съ крѣпостными актерами все было въ имѣніяхъ Юрасовскихъ, чтобы каждый добивался чести быть здѣсь гостемъ.

Изъ крѣпостныхъ брались мальчики, которые отдаваемы были въ обученіе различнымъ искусствамъ и ремесламъ, благодаря чему имѣлись свои портные, башмачники, шорники, садовники, коновалы, конюха, фельдшера, аптекаря, столяры и пр.

Въ крѣпостныхъ зачастую полезныя ремесла бывали соединяемы съ пріятными искусствами въ однихъ и тѣхъ же лицахъ: иной, работавшій въ столярной утромъ, являлся вечеромъ актеромъ въ театрѣ. Не смотря на это совмѣщеніе должностей, театръ былъ довольно сношенъ.

Ръ запискахъ Новосильскаго городничаго Н. И. Хитрово сохранилось нѣсколько крайне любопытныхъ воспоминаній о балетѣ, устроенномъ Юрасовскими въ

1816 году и объ инцидентъ съ крѣпостною балериною Ниною Тиняковою, во время спектакля ударомъ ноги сломавшею ребро своему французу—балетмейстеру.

Нѣкоторые старожилы конецъ этого инцидента передавали намъ нѣсколько иначе, они утверждали, что у балетмейстера-француза послѣ удара ногою оказалось сломаннымъ не ребро, а разбито..... ну словомъ послѣ подачи медицинской помощи французъ могъ себя поздравить съ сопричисленіемъ, противъ воли конечно, къ лику сектантовъ, за добровольное сопричисленіе къ которымъ и за совращеніе другихъ извѣстный Московскій архи-милліонеръ Солодовниковъ махнулъ въ края зело отдаленные.

Въ Малоархангельскомъ уѣздѣ, въ эпоху мировыхъ посредниковъ жилъ старичекъ Мен... предобрый, прелюбезный и презабавный человекъ. Онъ жизнь принималъ какъ шутку, въ самыя серіозныя дѣла умѣлъ вплесть острое словцо, кромѣ этого онъ прославлялся еще халатнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Въ особенности не любилъ онъ казенныхъ бумагъ и всегда подписывалъ все, что ему подносилъ писмоводитель, не читая. Однажды, разсердившись за что-то на своего патрона, секретарь мирового посредника между прочими бумагами подалъ ему подписать рапортъ на имя Орловскаго губернатора, въ которомъ между прочимъ говорилось: „дѣлать я ничего не дѣлаю, въ участкѣ своемъ не бываю, бумаги подписываю не читая, въ чемъ ваше превосходительство можетъ убѣдиться изъ настоящаго рапорта“. Такая оригинальная откровенность настолько заинтересовала начальника губерніи, что онъ пожелалъ ближе познакомиться съ авторомъ рапорта и вызвалъ его въ Орель. Вскорѣ, впрочемъ, этотъ посредникъ вышелъ въ отставку. Вотъ истины—былаго, которыя теперь поражаютъ насъ.

Теперь другое дѣло. Время потѣхи прошло, молодецтво отгулялось; теперь время великаго дѣла.

На смѣну дворянина — эстетика явился коммерсантъ — рѣалистъ, превращающій парки и фруктовыя деревья въ дрова для чугунок, а дома въ фабрики. Коммерсанты эти, такъ удачно названные народомъ мироѣдами, не довольствуются систематическимъ истребленіемъ попавшихся въ ихъ лапы старыхъ дворянскихъ гнѣздъ, уничтоженіемъ лѣсовъ, столѣтнихъ парковъ, единственно ради приращенія своихъ капиталовъ. Эти новые финансовыя крезы Корчмарскіе, Ильинскіе, Хандуровы, Ильманины, Подзоровы, Подкидухи и многіе другіе усиленно забрали въ свои руки все, что только плохо лежитъ, и тамъ, гдѣ прежде гремѣли гусарскіе и кирасирскіе трубачи, подъ звуки которыхъ танцовали сотни парочекъ, да хлопали пробки, теперь совершается всеѣмъ другое.

Возьмемъ къ примѣру расположенное подъ самымъ Орломъ имѣніе . . . . . Обираловку, бывшій владѣлецъ котораго разорился, продалъ все съ аукціона и скрылся куда-то за границу. Обираловка опустѣла, но не надолго . . . . . прошелъ годъ и здѣсь свилъ себѣ гнѣздо одинъ *благодѣтель рода человеческого*, который занялся деннымъ . . . . . виновать, денною помощью нуждающимся. Расширяя свою дѣятельность, сталъ давать подъ закладныя дворянскихъ имѣній съ грандіозными неустойками. Насколько онъ былъ милосерднымъ съ кліентами, можетъ показать одинъ маленькій случай, взятый на выдержку.

Помѣщикъ З. опоздалъ произвести уплату на одинъ день, за что его имѣніе было продано съ аукціона, вся семья оказалась на улицѣ, а въ Обираловкѣ . . . . . разыгралась слѣдующая сцена.

Въ одинъ чудный, только не для Обираловскихъ обывателей вечеръ, жена владѣльца вышла за балконъ и тутъ вскрикнула и грохнулась безъ чувствъ..... посреди цвѣтника на развисястой столѣтной лифѣ у самаго балкона висѣлъ съ высунутымъ языкомъ, вытращенными глазами и страшно обезображеннымъ лицомъ, охолодѣвшій уже трупъ несчастнаго разореннаго З.

Исторія эта въ свое время заставила Орловцевъ потолковать и поахать, а затѣмъ ее забыли, какъ и все забывается на свѣтѣ.

Обираловскій владѣлецъ вскорѣ выѣхалъ изъ Орла и поселился въ Москвѣ, гдѣ и купилъ нѣсколько домовъ въ Соболевомъ переулкѣ.

Малоархангельскій купецъ Хандуровъ также съ успѣхомъ могъ бы пѣть куплеты изъ „Цыганскаго барона“:

„Ловко велъ я дѣла,

Мнѣ и честь и хвала.....“

То есть успѣха въ смыслѣ хорошаго исполненія Хандурова конечно не имѣлъ бы, по за то эти слова куплета были по отношенію къ нему совершенно вѣрны: онъ дѣйствительно очень ловко велъ свои дѣла и въ самомъ непродолжительномъ времени заслужилъ отъ подобныхъ себѣ и честь и хвалу.

Дворянство бросилось передъ подобною ратью въ разсыпную—кто за границу, кто въ столицу, кто куда либо на службу. Исторически сливаясь съ народомъ, дворянство было близко къ нему, близко было и къ землѣ, на которой „сидитъ“ народъ и которая была дорога помѣщику, онъ зналъ ее, любилъ, клалъ въ нее свои заботы, воздѣлывая ее на ряду съ мужикомъ и руководя этимъ мужикомъ.

Даже самый дурной помѣщикъ не могъ разорять своего мужика, потому уже, что разоряя его, онъ разорялъ и себя, и о печальныхъ исключеніяхъ говорить не стоитъ,—они, во всякомъ случаѣ, не вреднѣе и не хуже, чѣмъ дикая власть кулака-міроѣда, власть купца Лѣсодралова, который пришелъ на землю съ полчищемъ Колупаевыхъ, Разуваевыхъ и Корчмарскихъ и, чуждый этой землѣ, впустилъ въ ея многострадальную грудь свои хищническіе когти... Вырастая среди народа, дворянинъ зналъ его и не могъ не любить, а любя, онъ все дѣлалъ для народа, особенно, если это былъ дворянинъ просвѣщенный, образованный, носившій на себѣ великіе идеи о добрѣ, правдѣ, трудѣ.—

Затронувъ эти вопросы, я могу сказать только одно: сколько именъ мужскихъ и женскихъ, сколько фактовъ просятся подъ перо, но, къ сожалѣнію, факты эти такъ близки къ намъ, что говоря о нихъ, приходится удерживаться отъ многого.

Заканчивая, описаніе Орловскихъ чудаковъ, я могу сказать, что они не перевелись еще по сей день.

Пройдите какъ нибудь по главной улицѣ Орла и наблюдайте:.

Вотъ идетъ какой-то странный субъектъ въ лѣтнемъ гиджачкѣ, не смотря на морозъ и прусской фуражкѣ, съ другой стороны улицы медленно движется шепча какую-то молитву одѣтая въ монашенскій костюмъ, дама съ чудными аристократическими чертами лица, а вотъ. . . . вдали показалась колесница . . . .

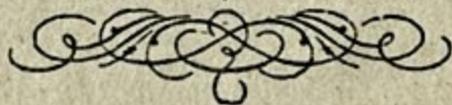
Но нужно сознаться откровенно, что всѣмъ нынѣшнимъ чудакамъ, до чудаковъ бывшихъ, какъ до звѣзды небесной, далеко.

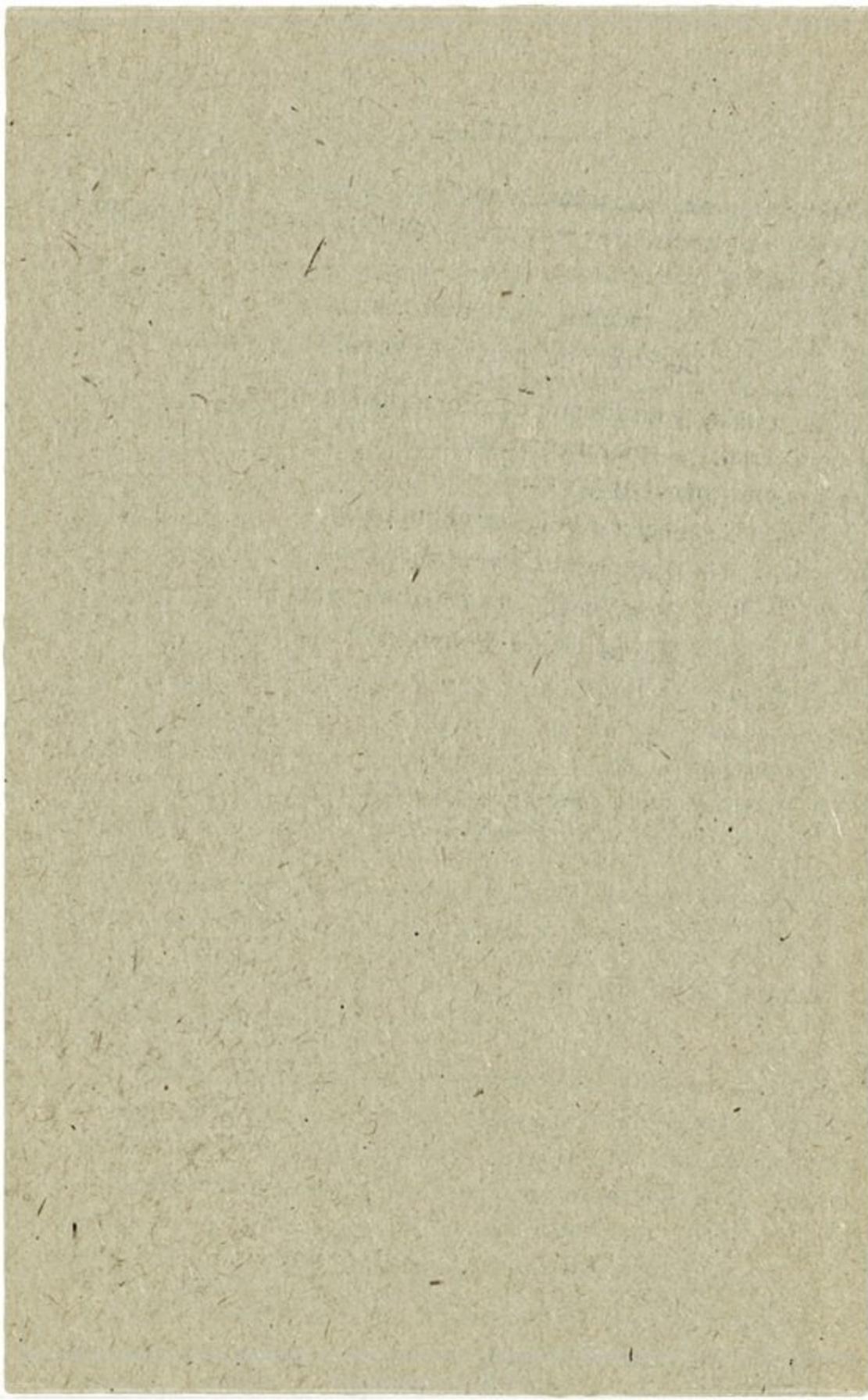
Нынѣшнее поколѣніе вообще, и современное офицерство въ частности, могутъ помянуть своихъ предковъ извѣстными стихами.

Въ старину живали дѣды
Веселѣй своихъ внучать!

И далѣе, прочитывая диковинныя преданія о проказахъ своихъ предшественниковъ, Орловцы смѣло могутъ закончить куплетъ:

Веселились, потѣшались,
Пировали круглый годъ—
Вотъ какъ жили и чудили
Наши дѣды и отцы!

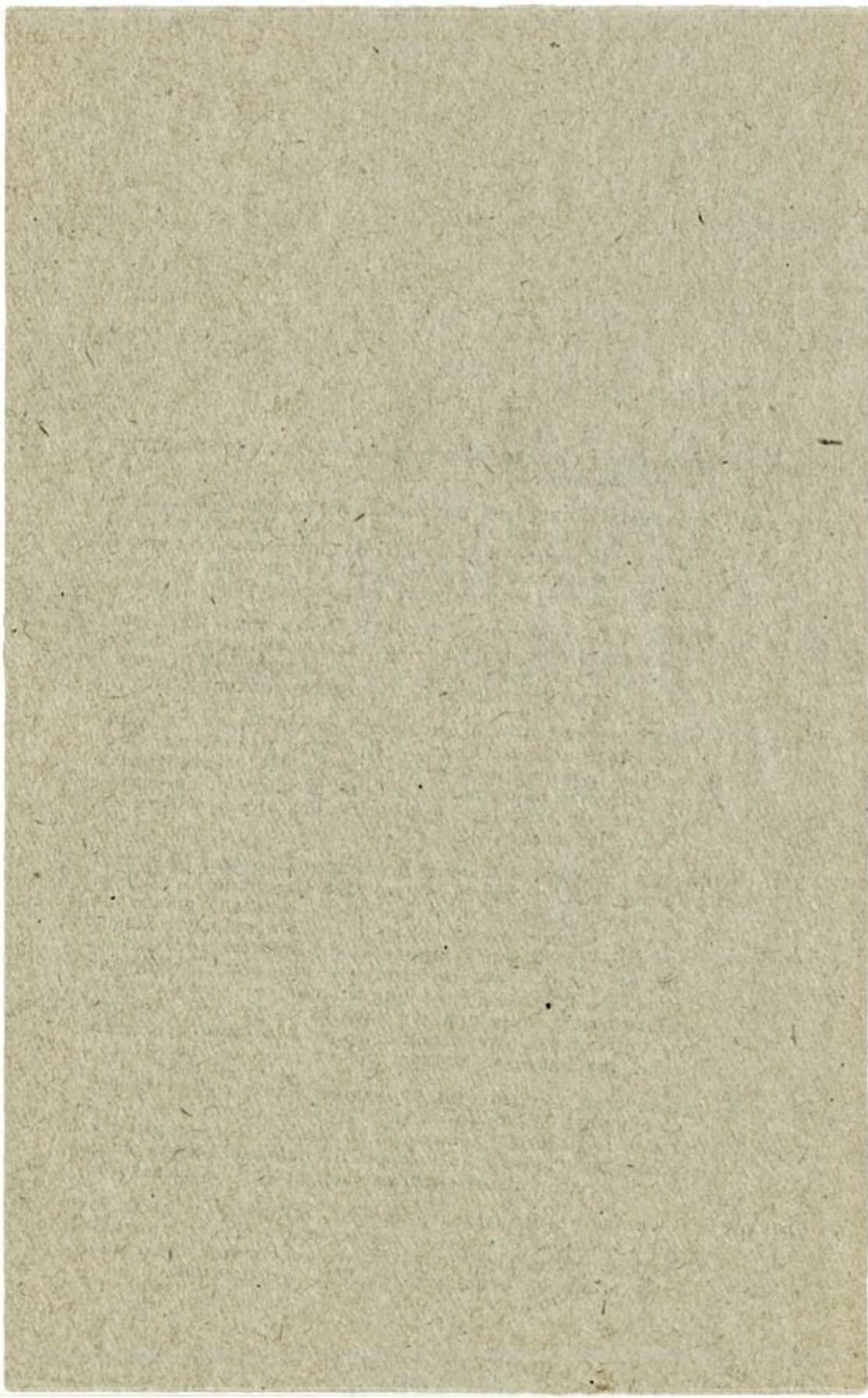

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловіе.

	Стр.
Глава I. Чудачества охотника Кирѣевского. Сіятельные самодуры графы Каменскіе.	7
Глава II. Странности Болховской помѣщицы Юрасовской, ея крѣпостной хорь. Орловскій губернаторъ кн. Трубецкой—любителъ распеканія и разносовъ. Изобрѣтатель Гурьевской кашп—крѣпостной челоуѣкъ помѣщ. Юрасовскаго—Кузьмичъ, продажа его министру финансовъ графу Гурьеву.	29
Глава III. Шалости Гродненскихъ гусаръ и Псковскихъ кирасиръ. Любители сѣдой старинны—афинскихъ вечеровъ. Маскарадъ въ Орловскомъ дворянскомъ собраніи. Экцентричность барона Тизенгаузена. Оригинальный вечеръ	47
Глава IV. Послѣдователи графа Аракчеева: Корнетъ Скар..... и „Драчиха“. вѣзъ подь с. Долгаго. Причуды помѣщицы Рагозиной. Любителъ церемоній кн. Куракинъ, Каламбуристъ эксцентрикъ Веревкинъ. Старуха, Филатова. Генераль—ваша и его пунтикъ, Дурачества Кологривого. Странности гр. Чернышова	53
Глава V. Экцентричность Мценской помѣщицы Варвары Петровны Тургеневой, ея жизнь и причуды. Изученіе И. С. Тургеневымъ „лягушечьяго“ греческаго языка. Присрастіе Тургеневой къ французскому языку. Упращиваніе Ивана Сергѣевича бросить литературное поприще—не заниматься этимъ „не дворянскимъ дѣломъ“. Публичная исповѣдь Тургеневой, ея мнимая смерть, обрядъ рукоцѣлованія при прощаніи и кара тѣхъ, которые явились прощаться подь хмѣлькомъ. Приказъ отмѣнить празднованіе дня Свѣтлаго Воскресенія	67
Глава VI. Странности и чудачества Анненковой. Старуха Офросимова. Спиридонъ „хлѣбная матка“ Мацнѣвъ. Мишковскій балагуръ, „складной баринъ“ К. К. Эльцъ. Помѣщица Ржевская и ея пунтикъ, Пунтикъ Шеншиной. Разсѣянность Болховскаго „производителя дворянства“ Юрасовскаго.	90
Глава VII. Богатство и чудачества Мих. Евл. Бырдина и сына его Петра Михайловича. Экцентричности Мухортова и Веревкина. Рѣдкій подарокъ Юрасовскаго, его крѣпостной театр. Мировой посредникъ Мен.... Заключение	100

ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ ИЗДАНИИ

предполагается къ печати

Любитель старины, чудакъ — эксцентрикъ Ф. Ф. Похвалинскій, его куріознѣйшее завѣщаніе. Юмористическій журналъ „Орловскіе туры на колесахъ“. Помѣщикъ „Ванька Каинъ“. „Марафетный дядюшка“ — Шурикъ Сахаровъ, его любовь къ писанію стиховъ. Сіятельный баринъ съ трехъ-этажною фамиліей. Сіятельный зельможа гр. Орловъ-Чесменскій. Выказюливаніе его дочери, основательницы Орловскаго института благородныхъ дѣвицъ, Анны. Брянская портниха. Генераль Кобельцинъ. Педагогъ Савва Васильевичъ, его номера. /

